

Приложение к журналу «Общая тетрадь»

Ричард Пайпс

БЫТЬ РУССКИМ

Заметки иностранных путешественников о русском национальном характере

Московская школа гражданского просвещения

2014

ББК 63.3(2)
П 12

Авторизованный перевод с английского Андрея Захарова и Екатерины Захаровой

Издание осуществлено при поддержке Института «Открытое общество» (HESP), Совета Европы, Стокгольмского института переходной экономики (SITE), Норвежского института международных отношений (NUPI), группы компаний «Рольф»

Пайпс, Ричард

П12 Быть русским. Заметки иностранных путешественников о русском национальном характере. Перевод с англ. яз. (Discovering The Russian People. How Foreign Travelers Perceived Russian National Character. Harvard University, 2014). — М.: Московская школа гражданского просвещения, 2014. — 60 с.

В этом новом эссе известный американский исследователь российской истории собрал и сопроводил своими комментариями наиболее живые и содержательные свидетельства иностранцев, посещавших Россию с XVI до начала XX века или живших здесь в те времена. Сложилась емкая и многообразная картина восприятия чужеземцами, в основном из Западной Европы, национальных особенностей характера, поведения, нравов и культуры представителей различных слоев населения страны. Читателю судить, позволяет ли это живописание сформулировать главные черты «русской души», постичь до конца, что значит «быть русским»?

ББК 63.3(2)

© Ричард Пайпс, 2014

ISBN 978-5-91734-044-9

© Московская школа гражданского просвещения, 2014

На протяжении почти всей своей истории Россия оставалась для Запада таинственным царством, отчасти европейским, отчасти азиатским. Европе она принадлежала из-за христианской религии, к Азии относилась по причине своего восточного географического положения и представляющихся восточными привычек и обыкновений. Начиная с середины XVIII века представления о России медленно менялись, и к началу Первой мировой войны ни у кого уже не оставалось ни малейших сомнений в том, что Россия — часть Европы.

Цель моего эссе — показать, как гости из Западной Европы, посещавшие Россию или проживавшие в ней в давние времена, относились к ее обитателям, в чем, по их мнению, заключались особенности русской души и что, с их точки зрения, означало «быть русским». Я не уделял большого внимания тому, как иностранцы воспринимали русскую политическую систему, ибо почти все они сходились в неоспоримом мнении, согласно которому Россия — это деспотия. Меня больше интересовали их представления о русской национальной культуре и особенностях русского характера, которые, как было известно гостям, отличались и от родных для них европейских, и от знакомых им азиатских аналогов.

Исследовать эту тему непросто. В безбрежном массиве путевых заметок о России почти нет конкретных наблюдений о русском национальном характере. Как выясняется, в первую очередь путешественников интересовали иные темы. Одной из них были исторические памятники. Мнение

американских путешественников, согласно которому «Россия не запомнилась почти ничем, кроме прогулок по церквам и дворцам»¹, разделялось, с некоторыми исключениями, европейскими гостями. А вторую тему, которая их живо интересовала, составляли различные происшествия, происходившие во время поездки с ними лично.

Впрочем, в московский период (XVI–XVII века) у заграничных путешественников просто не оставалось иного выбора, поскольку царское правительство делало все возможное, чтобы воспрепятствовать контактам иностранцев с русскими подданными. Как только чужеземцы пересекали границу, к ним прикрепляли конвоиров, называемых приставами, чтобы те пресекали всякое общение с местным населением. Самим жителям России запрещалось вступать в контакт с чужеземцами по собственной инициативе, за исключением обитателей приграничных городов, занимавшихся торговлей². С первой трети XVI столетия все иностранцы, прибывавшие в Москву, обязаны были селиться в особом квартале, расположенном на северо-востоке города и называвшемся «Немецкой слободой» (термином «немцы» собирательно обозначались все европейцы). Тем самым власти обеспечивали их эффективную изоляцию. В результате, как отмечал Василий Ключевский, предметом их наблюдений оказывались царь и его двор, армия, администрация и суды, источники пополнения казны, облик страны и ее климат, почва, население, города, торговля и валюта. Национальная культура или национальный характер русских в этом списке не значились: в главе «Население», включенной в его известную работу, Ключевский анализирует исследования по демографии³.

Положение резко изменилось после восшествия на престол Петра I, который, желая вестернизировать своих подданных, с радушием привлекал иностранцев в Россию. Со временем многие из них обосновались здесь. Согласно имеющимся данным, в 1789 году в Санкт-Петербурге проживали 32 тысячи иностранцев, что составляло 14 процентов населения столицы⁴. Многие из них освоили русский язык и без труда обща-

лись с коренными жителями. Русская художественная литература, развитие которой в XIX веке достигло необычайных высот, знакомила читателей с особенностями русской жизни. Под воздействием упомянутых и иных факторов представления иностранцев о русском человеке, которые во времена Московского царства оставались абсолютно негативными, начали меняться в лучшую сторону. Россияне, которых некогда считали тупыми рабами, теперь в глазах некоторых наблюдателей представляли нацией, сумевшей сберечь христианские добродетели, которые утратил индустриализованный и меркантильный Запад.

В ходе последующего повествования я сначала познакомлю читателя с теми западными путешественниками и резидентами, кто оставил наиболее интересные и содержательные соображения о русских, а затем проанализирую их комментарии. Итогом анализа станет видение русского национального характера, которое сформировалось по крайней мере у европейцев, лично с ним соприкасавшихся.

Ричард Пайнс

Россия обратила на себя внимание европейцев в начале XVI века, когда Москва уже окончательно избавилась от так называемого монголо-татарского ига и стала суверенной монархией. Прежде на протяжении двух с половиной веков Московское княжество и другие русские земли были малозначительными частями монгольской империи и потому не вызывали особого любопытства. Всплеск интереса во многом был обусловлен беспокойством из-за грозящего Европе вторжения тюрков-османов и надеждой на помощь России в противостоянии им.

В начале IX века тюрки начали двигаться из восточного ареала на запад, причем современникам казалось, что остановить их натиск невозможно. В конце XI века они нанесли поражение Византии и начали расселяться в Малой Азии. В XIV–XV столетиях сформировалась Османская империя, а турецкие войска двинулись на Европу. В 1365 году расположенный на европейском континенте город Адрианополь (ныне Эдирне) стал столицей империи, и вскоре Фракия, Македония и Болгария попали под турецкое владычество. Финалом этой экспансии стал состоявшийся в 1453 году захват турками Константинополя, положивший конец Византийскому государству. В течение последующих двух столетий турки захватили большую часть Балканского полуострова, включая территорию, позже ставшую Югославией, Грецию, Румынию, Болгарию и Венгрию. Причем тогда невозможно было предсказать, до каких рубежей на западе или на севере продвигнется это вторжение и не попадет ли вся Европа под турецкое господство. Наконец турецкий натиск был остановлен у ворот Вены в 1683 году.

Нависшая над Европой угроза, то усугублявшаяся, то отступавшая, на протяжении восьми веков играла ключевую роль в формировании самосознания европейцев. Первоначально они воспринимали свой континент как «христианское царство», но постепенно на смену ему пришла концепция Европы⁵. Папа Пий II (Энеа Сильвио Пикколомини, 1405–1464), на понтификат которого пришлось падение Константинополя, всеми силами предостерегал об османской опасности. Он также стал первым автором, использовавшим слово «Европа» в заглавии книги⁶. По словам современного историка, «именно в столкновении с неевропейскими народами и противостоянии османской экспансии в Европе начала складываться специфически европейская идентичность»⁷. Из географического понятия Европа превращалась в культурный концепт, которым она остается и сегодня.

Первым автором, предоставившим европейцам обстоятельный отчет о России, был Сигизмунд Фрейер фон Герберштейн (1486–1566), австрийский дипломат, автор «Записок о московитских делах» («*Regum Moscoviticarum Commentarii*»), впервые опубликованных в Вене в 1549 году. Позже эта работа несколько раз переиздавалась на латинском и немецком, дважды на итальянском и чешском и по одному разу на польском, английском и голландском языках. Будучи уроженцем Словении, Герберштейн имел представление о славянских языках. Он посетил Москву дважды: в 1517 году как посол императора Священной Римской империи Максимилиана, а затем в 1526 году в качестве посла эрцгерцога австрийского Фердинанда. Обе поездки были связаны с организацией переговоров о перемирии между Россией и Литвой, в то время воевавших друг с другом. Его книга претендовала на энциклопедическое освещение тем, охватывающих историю, географию и религию страны, а также принятую в ней форму правления. Герберштейн обращал особое внимание на тираническую природу царской власти и раболепство подданных царя. Он почти ничего не говорил о ее народе, а то немногое, что было сказано, имело негативный оттенок: «Московиты гораздо более склонны к лукав-

ству и обману, чем иные окружающие их народы. ...Эти люди по натуре своей более ценят свои оковы, нежели свободу. ...Говорят, что обитатели Москвы гораздо ловчее и хитрее прочих народов, причем свое слово они не держат никогда»⁸.

Столь же бесцеремонные высказывания иностранных путешественников о русских звучали и воспроизводились до тех пор, пока на престол не взшел Петр Великий. Например, в географических заметках англичанина Энтони Дженкинсона (1529–1610/11), который по делам основанной лондонскими купцами Московской компании в середине XVI века неоднократно посещал Россию, есть такие строки, характеризующие русских: «Когда пируют, то употребляют чрезвычайно много кушаний и напитков и наслаждаются едой грубых блюд и вонючей рыбы. ...Пить — приятнейшее для них дело. Они болтуны и великие лжецы, льстецы и лицемеры»⁹.

Труд Герберштейна доминировал среди работ о России на протяжении столетия. На смену ему пришла книга Адама Олеария (Ольшлегеля) (1603–1671), немецкого ученого, неоднократно приезжавшего в Московию в составе различных посольств. Его «Описание путешествия в Московию и Персию», впервые изданное в Германии в 1647 году, стало, подобно трактату Герберштейна, бестселлером и выдержало пять немецких и пять голландских изданий, четыре французских издания и по одному английскому и итальянскому изданию¹⁰. Отчасти успех книги объяснялся богатыми и оригинальными иллюстрациями, а также пространными (хотя и весьма предвзятыми) описаниями русских, которым авторы прежних путевых заметок почти не уделяли внимания.

Олеарий родился в Германии в семье портного. Он жил в княжестве Шлезвиг-Гольштейн, правитель которого князь Фридрих III лелеял план превратить основанный им город Фридрихштадт в центр торговли шелком. Реализуя этот замысел, он в 1633 году снарядил посольство в Персию, к которому в качестве секретаря был приписан Олеарий. Власти поручили ему собирать информацию о посещаемых странах. Посольство

проследовало через Новгород в Москву — в те времена путь в Китай и Персию пролегал через Россию, — где в конце 1634 года был заключен договор, с которым оно и вернулось в Шлезвиг-Гольштейн. В октябре следующего года посольство повторило визит в Персию через Москву по Волге.

Работы Герберштейна и Олеария, вне всякого сомнения, являются наиболее значительными и популярными очерками о Московии. Тем не менее немецкий ученый Фридрих фон Аделунг в 1840-е годы подсчитал, что до 1700 года было опубликовано 266 очерков о Московии¹¹.

Кроме дипломатов Московию посещали и купцы. Англичане почти ничего не знали о России вплоть до середины XVI века, когда они занялись поисками северного морского пути в Китай. Тогда-то они, вполне случайно, и «открыли» Московию. Завидуя богатству, которое испанцы и португальцы стяжали из-за своей внешней торговли, англичане снарядили три судна, которым было предписано найти новый морской маршрут в Китай. У северной оконечности Норвегии начавшаяся в 1553 году экспедиция попала в ужасный шторм. Два корабля под командованием сэра Хьюго Уиллоби пристали к берегам Лапландии, где их команды в конце концов погибли от холода. Третий корабль, «Эдуард Бонавентура», которым командовал Ричард Чанселлор, продолжил плавание на восток, пока не подошел к устью Северной Двины. Из оставленного капитаном описания последующих событий следует, что он сделал вид, будто у него есть подарки для русского правителя¹². Местный воевода послал в Москву гонца с новостью о прибытии иностранцев, после чего их пригласили в столицу. Там их тепло принял Иван IV, заинтересованный в расширении внешней торговли. В марте 1554 года Чанселлор покинул Москву и уехал в Англию. После его возвращения для ведения торговли с Россией была создана Московская компания, купцы которой активно взаимодействовали с русскими на протяжении полувека, до самого Смутного времени. Впрочем, их интерес к России был сугубо деловым, а оставшиеся после них записи касаются в основном торговли.

Первым, что бросалось в глаза гостям Московии, был царивший в ней деспотизм, проявлявшийся в неограниченной власти царя при полном отсутствии прав, юридических или каких-либо иных, у его подданных, даже самых знатных. Это наблюдение приводило чужестранцев к выводу о том, что русские по своей природе склонны к раблению. Герберштейн писал, что они рождены для того, чтобы прислуживать. Олеарий сообщал, что русские учат детей говорить о своем царе, как о Боге¹³: они пренебрегают гражданскими свободами (*libertas*), но жаждут воли, то есть неограниченной возможности делать все, что заблагорассудится (*voluntas*)¹⁴. По мнению посланника английской королевы Елизаветы при русском дворе, автора книги «О государстве русском» (1591) Джайлса Флетчера, русские были «задавлены невыносимой подневольной службой»¹⁵: «Правление у них чисто тираническое, все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя, и сверх того самым явным и варварским образом»¹⁶.

Деспотизм русских правителей обнаруживался прежде всего в бесправии их подданных: «Я уверен, — писал гость из Британии в середине XVIII века, — что большинство недостатков национального характера стали следствием деспотизма российской власти»¹⁷. И таких недостатков было великое множество.

Вопиющим русским пороком, на который указывал почти каждый из ранних путешественников, было пьянство. О нем в стихотворных строках упоминал уже Джордж Тэрбервилл, английский поэт XVI века (1540–1591), который в 1568 году сопровождал в Москву посла королевы Елизаветы:

Горе, горчайшее горе накрывало меня с головой,
Стоило только подумать, что счастье рассталось со мной.
Покидая родную землю, я в неведении пребывал,
Как живут в том краю далеком, коим русский царь управлял.
Человек здесь груб, неотесан и подвержен низким страстям,
Имя Бахуса тут в почете, его славят и там, и сям.

Напиться — предел их мечтаний, мир без стакана — прах,
Даже самый первейший трезвенник нетвердо стоит на ногах¹⁸.

К этому предмету неоднократно обращался и Олеарий: «Порок пьянства так распространен у этого народа во всех сословиях, как у духовных, так и у светских лиц, у высоких и низких, мужчин и женщин, молодых и старых, что если на улицах видишь лежащих там и валяющихся в грязи пьяных, то не обращаешь внимания; до того все это обыденно»¹⁹.

Другим главным недостатком, на который впоследствии указывали и прочие путешественники, была, по мнению Олеария, бесчестность. «Что касается ума, русские, правда, отличаются смышленостью и хитростью, но пользуются они умом своим не для того, чтобы стремиться к добродетели и похвальной жизни, но чтобы искать выгод и пользы и угождать страстям своим, — писал он. — Их смышленость и хитрость, наряду с другими поступками, особенно выделяются в куплях и продажах, так как они выдумывают всякие хитрости и лукавства, чтобы обмануть своего ближнего. А если кто их желает обмануть, то у такого человека должны быть хорошие мозги. Поскольку они избегают правды и любят прибегать ко лжи и к тому же крайне подозрительны, то сами очень редко верят кому-либо. Того, кто их сможет надуть, они хвалят и считают мастером своего дела»²⁰.

Их поведение Олеарий находил отвратительным. Вот что он пишет: «Они вообще весьма вздорный народ и насакивают друг на друга с неистовыми и бранными словами, точно псы. На улицах постоянно приходится видеть подобного рода ссоры и бабьи дразги, причем они ведутся так рьяно, что с непривычки думаешь, что они сейчас вцепятся друг другу в волосы. Однако до побоев дело доходит весьма редко, а если уже дело зашло так далеко, то дерутся кулачным боем и изо всех сил бьют друг друга в бока и в срамные части. Еще никто ни разу не видал, чтобы русские вызывали друг друга на обмен сабельными ударами или пулями, как это обыкновенно делается в Германии и в других местах...

При вспышках гнева и при ругани они не пользуются слишком, к сожалению, у нас распространенными проклятиями и пожеланиями с именованиями священных предметов, посылкою к черту, руганием “негодяем” и т.п. Вместо этого у них употребительны многие постыдные, гнусные слова и насмешки, которые я — если бы того не требовало историческое поведение — никогда не сообщил бы целомудренным ушам. У них нет ничего более обычного на языке как: “бл...н с..., с...н с..., собака, .б т... м.ть, .б..а м.ть”, причем прибавляется “в могилу...” и еще иные тому подобные гнусные речи. Говорят их не только взрослые и старые, но и малые дети, не умеющие назвать ни Бога, ни отца, ни мать, уже имеют на устах это: “.б т... м.ть” и говорят это родители детям, а дети родителям.

...Они так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас содомиею, при этом употребляют не только *pueros muliebria pati assuetos* (как говорит Курций²¹), но и мужчин, и лошадей. ...Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно»²².

Олеарий пренебрежительно отзываясь об образе жизни русских. Они спят не на кроватях, а на лавках или печках, мужчины, женщины и дети вповалку, иногда вместе с цыплятами или свиньями. Их стол простой: крупы, репа, капуста, огурцы и рыба — свежая или соленая, изредка мясо. Но, несмотря на это, они здоровы и живут долго²³. Будучи ученым, этот автор приходил в ужас от того, насколько презрительно в России относились к учебе: «Когда наблюдаешь русских в отношении их душевных качеств, нравов и образа жизни, то их, без сомнения, не можешь не причислить к варварам. ...Русские вовсе не любят свободных искусств и высоких наук и не имеют никакой охоты заниматься ими... поэтому они остаются невеждами и грубыми людьми. Большинство русских дают невежественные и грубые отзывы о высоких, им неизвестных натуральных науках и искусствах в тех случаях, когда они встречаются иностранцев, имеющих подобные познания. Так, они, например, астрономию и астрологию считали за волшебную науку. Они полагают, что имеется что-то

нечистое в знании и в предсказании наперед солнечных и лунных затмений, равно как и действий светил. ...Хотя они и любят и ценят врачей и их искусство, но тем не менее не желают допустить, чтобы применялись и обсуждались такие всеупотребительные в Германии и других местах средства для лучшего изучения врачевания, как анатомирование человеческих трупов и скелеты; ко всему этому русские относятся с величайшим отвращением»²⁴.

Порой высказывается мнение, что пренебрежительное отношение европейцев к русским и прочим обитателям Восточной Европы было завуалированной формой оправдания европейского империализма²⁵. Эта идея, однако, представляется неубедительной, поскольку некоторые неевропейские народы, в частности китайцы, пользовались в Европе огромным уважением.

Как не раз отмечалось, Китай в Европе идеализировали. Людовик XV как-то сокрушался по поводу злонравия французов, и когда один из министров предложил ему «привить во Франции дух Китая», король согласился²⁶. Французы полагали, что Китай управляется мудро: считалось, что его правители, в отличие от французских властей, не вмешиваются в жизнь своих граждан²⁷.

Следует также отметить, что японцы, познакомившиеся с Россией сравнительно поздно, лишь в XVIII столетии, также смотрели на русских свысока. Опасаясь российской агрессии, они называли подданных империи «рыжими варварами» (akaezo), просто «рыжими» (akahito) или «далекими варварами» (okuezo)²⁸.

Путевые заметки иностранцев о России и русских в своем развитии прошли две фазы. На первом этапе, который длился с XVI до середины XVIII столетия, авторы интересовались скорее самой страной, нежели ее обитателями: они писали о географии и топографии России, ее климате, религиозных обрядах, природных ресурсах, исторических памятниках.

Ричард Пайпс

Такой выбор определялся тем, что, согласно представлениям того времени, все люди в основе одинаковы, а различия между ними не имели особого значения. «В идеологии Просвещения человек воспринимался в неразрывном единстве с природой и был связан с нею согласно закономерностям, выявленным естественными науками»²⁹. Вот как высказался на эту тему английский поэт XVIII века Аарон Хилл:

Меж британцем и русским различие только в названии,
Для планеты моей все народы и нации единосущны.
Мир, в котором живу, поделю я с далеким собратом,
Ведь и он от природы разумен, как разумным рожден был и я³⁰.

Разумеется, русские отличались от французов и англичан: они могли демонстрировать тяготение к алкоголю и лживости, но это означало всего лишь то, что нормы их поведения отличаются от общечеловеческого стандарта не больше, чем русская зима от зимы в остальной Европе.

К середине XVIII столетия оформились представления о национальной культуре и национальном характере. Жан-Батист Аржан в своих «Еврейских письмах» (1738–1742) заявлял, что обитатели каждой страны обладают уникальными качествами, которые он называл «характером нации» (*le caractère de la nation*). В 1743 году Франсуа де ла Борд опубликовал работу «Эссе о гении и характере народов», позже изданную под названием «О духе народов». В ней он выделял четыре основные ветви человеческого рода: негров, американцев, китайцев и европейцев, добавляя при этом: «Для гения нации фундаментальным основанием является климат, из которого проистекают и прочие основания, включая особенности крови, заболеваний, воды и пищи. Из всех физических первопричин климат является наиболее универсальной»³¹.

Идея быстро была подхвачена и усовершенствована в работах Монтескье, Гельвеция, Дидро и Руссо. Все ее разработчики были единомышленны в том, что характер народа определяется двумя главными факторами:

климатом и особенностями правления. Во второй половине XVIII века вопрос о национальном характере увлекал не только философов, но и путешественников в другие земли. Уильям Ричардсон, который провел в России четыре года (1768–1772), включил в свои путевые заметки целую главу, посвященную этому предмету³². Понятием «национальный характер» пользовались также и немецкие путешественники³³.

Принципиальную роль в формировании этой концепции сыграли работы немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера. Будучи ведущим критиком Просвещения, он отвергал понятие общечеловеческого прогресса: история делается не человечеством в целом, а отдельными народами, которые проходят в своем развитии стадии рождения, зрелости и упадка. «Как любое тело имеет свой центр тяжести, так и каждый человек, каждая нация, каждый период обладают своим центром счастья»³⁴.

По роду своих занятий Уильям Ричардсон (1743–1814) был классическим ученым, получившим образование в университете Глазго. Он стал воспитателем детей Чарльза Кэткарта, который, получив в 1768 году назначение на пост посла в Санкт-Петербурге, взял 25-летнего Ричардсона с собой. Молодой человек провел в России четыре года и в 1784 году опубликовал «Рассказы о Российской империи» — работу, которая, несмотря на свое тривиальное название, содержит проницательные суждения о России — «великой восточной империи» — и о населяющем ее народе.

Письмо XXXIV — «Рассказы», написанные в форме писем, — посвящено «национальному характеру русских». В нем они изображаются людьми крайне импульсивными: «Твердость характера у них подменяется повышенной чувствительностью. Они живут в основном чувствами, редко применяя рациональные правила даже при регулировании коммерческой жизни. Соответственно их действия, проистекающие из постоянно меняющихся эмоций, выглядят бессистемными и даже хао-

тичными»³⁵. В частном порядке русские вечно жалуются на свое правительство, но восставать они никогда не будут. Никаких «постоянных принципов» у них нет. Изъяны их характера в основном объясняются особенностями культуры³⁶.

В другом месте Ричардсон называет религиозность русских «поверхностной», а их духовенство необразованным, но терпимым к иным религиям. Он был более высокого мнения о низших классах российского общества. О крестьянах он говорит следующее: «Подвергаемые телесным наказаниям и низводимые до состояния бессловесной скотины, могут ли они обладать тем величием духа, которое приличествует гражданам свободной страны? Постоянно испытывая негуманное обращение, способны ли они быть гуманными? Я уверен, что большинство изъянов, проявляемых в их национальном характере, является следствием деспотических действий русских правителей»³⁷.

Русские, по словам этого автора, отличаются живейшей чувствительностью, но разумом практически не пользуются. Они смогли бы вести разумную жизнь, только располагая «полной свободой личности и собственности», то есть в случае упразднения крепостничества, но такой переход потребует времени — рабов следует прежде просветить.

Не менее познавательны путевые записки швейцарского француза Шарля Франсуа Филибера Массона (1762–1807). Родившись в бедной семье, этот человек провел часть своей юности в подмастерьях у часовщика. В Россию он переехал по настоянию своего старшего брата, служившего в царской армии. В 1786 году стал кадетом артиллерийской школы в Санкт-Петербурге, одновременно работая гувернером в доме президента военной коллегии, князя Николая Салтыкова. В 1795 году женился на баронессе Розен, светской даме, открывшей перед ним двери великосветского общества русской столицы³⁸. В 1796 году после десятилетнего пребывания в России он был арестован по приказу царя Павла I, усомнившегося в его лояльности, после чего его вместе с братом выслали

в Польшу. Именно здесь Массон написал «Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I», опубликованные в 1800 году.

Эта книга, переполненная дворцовыми сплетнями, содержит также — в дополнениях — раздел, называющийся «Национальный характер», в котором есть любопытные наблюдения. Так, характеризуя предмет своего интереса в целом, автор пишет: «Говорят, что у русских нет своего характера, что его заменяет умение прекрасно усваивать характер других наций»³⁹. Среди прочего Массон хвалит русских крестьян: «Русский крестьянин, лишенный собственности, религии, моральных основ и гордости, гостеприимен, человечен, услужлив, весел, предан и мужествен; чем дальше оказываешься от городов, тем он лучше; самый дикий из них всегда достойнее иных — чем дальше от столицы, тем больше добродетели. Словом, он от природы одарен всеми достоинствами, близкими к патриархальным нравам, пороки же его незаконномерны»⁴⁰. Что касается аристократии, то к ней автор не испытывает ничего, кроме презрения. На той же странице Массон продолжает свою мысль: «Остатки варварства в наиболее просвещенной части общества служат этому отвратительным контрастом. Варварство выражается в грубости нравов, в оскорбительном презрении к людям вообще, в равнодушии к всякому усовершенствованию, в незнании состояния общества, в наглой надменности, низости, непристойности, отсутствии общественного сознания и патриотизма, а главное, в отсутствии чести, что подчас ставит предел честности и даже морали. Полуобразованный русский — самый презренный человек; он ползает, как червь, он пресмыкается; в нем больше рабства, чем деспотизма в его правителях: его хозяин неизбежно становится тираном»⁴¹. Автор хвалит русских за отсутствие ложного самомнения и религиозного фанатизма, а также за то, что они никогда не ставят превосходство по факту рождения выше личных достоинств⁴².

К наихудшим их порокам Массон относит пьянство и воровство. Но зато русским свойственны такие качества, как радушное гостеприимство

и необычайная храбрость. В целом, подытоживает он, ссылаясь на Мирабо, русские — «самая восприимчивая нация из всех существующих». «Русский человек следует внушению, он то, чем его хотят сделать»⁴³.

Мадам де Сталь (1766–1817) — ее полное имя Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн — общепризнанно считается наиболее выдающейся европейской женщиной той четверти века, которая длилась с начала Французской революции до окончательного краха и изгнания Наполеона. Она была знакома со всеми известными деятелями той эпохи. Среди тех, с кем она встречалась лично, были Гёте и Шиллер, Вольтер, царь Александр I, король Людовик XVI и Мария Антуанетта, Наполеон, лорд Байрон, Бенжамен Констан, Эдуард Гиббон, Талейран, герцог Веллингтон, Томас Джефферсон. Ходили слухи, что она едва не обручилась с Уильямом Питтом. Она писала и пользовавшиеся огромной популярностью романы, и политические трактаты. В 1812 году по причинам, о которых будет сказано ниже, она отправилась в Россию. В течение двух месяцев она ехала из южной части Украины до Петербурга, повсюду встречая горячий прием дворянского общества. Все увиденное и услышанное она запечатлела в книге «Два года изгнания», впервые опубликованной ее сыном в 1821 году, через четыре года после ее кончины. Пушкин, который во время русского визита знаменитости был 13-летним мальчиком и не мог встретиться с ней, позже хвалил книгу де Сталь за то, что в ней сочинительница «первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных»⁴⁴.

Жермена де Сталь родилась в Париже в богатой и знатной протестантской семье. Ее отец, банкир Жак Неккер, в 1777 был назначен министром финансов Франции. Будущая мадам де Сталь выросла в великосветском салоне, где собирался весь цвет французской интеллектуальной элиты. Ее отец занимал министерский пост на протяжении четырех лет, а потом, выйдя в отставку, удалился в городок Коппе на

берегу Женевского озера, построив там роскошный дворец, который стоит и сегодня. В январе 1786 года Жермена вышла замуж за обаятельного, но безденежного шведского дипломата и обладателя баронского титула, которого звали Эрик Магнус де Сталь-Гольштейн. Супруг был на семнадцать лет старше ее; пара вскоре рассталась.

Мадам де Сталь участвовала в событиях Великой французской революции, зачастую с большим для себя риском. В декабре 1797 года ее представили Наполеону, герою недавней итальянской кампании. Молодой военачальник поверг ее в восхищение, несмотря на то, что отнесся к ней холодно. Наполеон был раздражен ее острым умом, необычайным красноречием, а также весьма смелыми взглядами: он вообще не любил женщин, которые «лезут в политику». В ее глазах, однако, он был «самым отважным воином и глубочайшим мыслителем из всех, когда-либо рожденных»⁴⁵. По мере того как ее политическая активность раздражала императора все больше, их отношения охладели до того, что он стал для нее «предметом особой ненависти» (*bête noire*), которого она проклинала и боялась. Остаток жизни мадам де Сталь прошел в противодействии Наполеону и бесконечном бегстве от него. Именно это и привело ее в Россию.

В феврале 1803 года Наполеон запретил де Сталь проживание в Париже, что оказалось для нее огромным ударом. Еще через полгода ей запретили селиться ближе, чем в 160 километрах от французской столицы. Эти меры были достаточно жесткими, но в 1810 году с писательницей обошлись еще более сурово. Летом этого года император приказал уничтожить тираж ее книги «О Германии», над которой она работала шесть лет. Затем местопребывание де Сталь ограничили резиденцией ее отца на Женевском озере; в 1798 году этот регион вошел в состав Франции. Ей также отказали в выездных документах, позволявших покидать страну⁴⁶. Все эти меры переполнили чашу терпения писательницы. Летом 1811 года она сумела бежать в Англию — страну, конституция которой всегда ее восхищала.

В обычных обстоятельствах беглянка проехала бы около 800 километров по французской территории, чтобы сесть на корабль в одном из портов пролива Ла-Манш. Но поскольку перемещаться по Франции, а также по оккупированным Наполеоном европейским странам, включая Испанию, Италию и Германию, де Сталь не могла, ей пришлось выбрать круглой путь в несколько тысяч километров, пролегающий через Австрию, Россию и Швецию. В итоге вместо нескольких недель путешествие заняло год.

Через Лемберг (Львов) знаменитая дама проследовала к русской границе, которую пересекла 14 июля 1812 года — в годовщину взятия Бастилии⁴⁷. Месяцем ранее Наполеон вторгся в Россию; его армии наступали вглубь империи, и поэтому де Сталь, не имея возможности проследовать напрямую в Петербург, а затем через Стокгольм в Лондон, поехала на восток, к Москве. Разумеется, ее симпатии в той войне были целиком на русской стороне. Поскольку оставленные ею впечатления о России были необычайно благоприятными, невозможно понять, что повлияло на них больше: заинтересованность в победе русских или же живой опыт, полученный в России.

Де Сталь обладала удивительной способностью выделять типические черты в культурном и психологическом облике народов; этот талант был продемонстрирован ею в книгах, посвященных Италии и Германии⁴⁸. Эта способность послужила ей и в осмыслении России, принципиальные качества которой были выделены ею быстро и четко, несмотря на полную новизну предмета. Действительно, до 1812 года она «не только ничего не читала о России, но и не испытывала ни малейшего любопытства в отношении этой страны»⁴⁹. Лишь перед самым отъездом она прочитала несколько исторических работ о Российской империи⁵⁰.

Она была очарована практически немедленно. Отсутствие неусыпной полицейской слежки, которая томила ее во Франции, усиливало восхищение. «До сих пор никому не приходило в голову считать Россию самой свободной из европейских держав, однако гнет, тяготеющий по вине

французского императора над всеми странами нашего континента, так силен, что, оказавшись в стране, над которой Наполеон не властен, чувствуешь себя, словно в республике»⁵¹. Разумеется, все это было изрядным преувеличением, поскольку в то время четыре пятых населения России составляли крепостные, которые вообще не имели никаких прав и ни в каком смысле не являлись «свободными». Через несколько лет, когда Наполеон был повержен, писательница уточнила свою позицию: «Вступив в пределы империи Александра I, государства, повсеместно признаваемого абсолютистским, я впервые за долгое время почувствовала себя свободной. Но это было обусловлено не столько личными добродетелями русского императора, сколько тем фактом, что Россия оставалась единственной страной, на которую Наполеон не мог влиять»⁵².

В Киеве де Сталь обратила внимание на то, что многие городские постройки по форме напоминают татарские шатры. Во время своего путешествия она не раз отмечала, что Россия — восточная страна, причем этот термин употреблялся ею без всякого уничижения: писательница настаивала, что в ней нет ничего варварского⁵³. Богослужения в православных храмах показались ей «прекрасными», но при этом она считала, что религия русских «скорее будит воображение, нежели руководствует поступками верующих». Ее впечатлила способность русских стойко переносить физические страдания, а также сочетать «веселье и меланхолию»⁵⁴. Русские пейзажи показались де Сталь однообразными и потому неинтересными, а вот с русскими людьми дело обстояло совсем иначе: «Народ этот — исполин во всем, обычные мерки в России не в ходу. ...Дерзость их воображения не знает пределов, колоссальное в их стране берет верх над соразмерным, отвага — над расчетливостью»⁵⁵.

Мадам де Сталь и ее спутники прибыли в Москву 2 августа: они стали последними иностранцами, успевшими посетить древнюю столицу России до того, как она была предана огню. Она не собиралась останавливаться в Москве надолго, но болезнь Альберта, младшего сына писатель-

ницы, задержала ее здесь на пять дней. В конце концов, пристроив его в Москве, она отправилась в Петербург.

Поначалу знаменитая француженка сомневалась в том, что русские смогут устоять перед натиском наполеоновских армий, но эти сомнения развеялись довольно скоро. В письме, написанном после отъезда из России, она говорила: «Повсюду я видела отважную и гордую нацию, более преисполненную духа патриотизма, нежели народы остальной Европы. ...Поэтому, по моему мнению, вопреки всем неудачам этой войны сопротивление будет сильным, а эта наполовину Азия продемонстрирует нам то, на что уже неспособна старая Европа»⁵⁶.

В Петербурге, который де Сталь называла «прекраснейшим из городов европейских»⁵⁷, она осталась почти на месяц, открыв в «Hôtel de l'Europe» собственный салон. В свободное время она осматривала столицу. Среди прочего отметила, что в столице «вельможи исповедуют принципы куда менее либеральные, чем сам император. Привыкнув самовольно распоряжаться судьбою своих крестьян, они ради поддержания системы деспотизма ждут от монарха правления столь же самовластительного»⁵⁸. Русские знаменитости, с которыми гостыя встречалась, неизменно озадачивали ее: «Нечто своенравное, буйное и ироническое разом, отличало большинство великих людей России. ...В уме видели они не источник наслаждений, а орудие борьбы; путеводителем же служила им собственная фантазия. Великодушие и варварство, необузданные страсти и суеверные страхи — все смешивалось в характере одного человека. По сей день даже самые родовитые из русских не прониклись цивилизацией в полной мере; одни походят внешне на французов, другие — на немцев, третьи — на англичан, но в душе все они русские, и это-то составляет их силу и самобытность»⁵⁹.

Пушкин восхищался мадам де Сталь и высоко ценил ее произведения. Он цитирует ее в примечаниях в первой главе «Евгения Онегина», а также в своем «Путешествии из Москвы в Петербург»⁶⁰. Более того, он защищал ее путевые записки от нападок некоего А.А. Муханова⁶¹. Утвер-

ждается также, что его воззрения на русское дворянство сформировались под ее влиянием⁶².

Мари-Анри Бейль (1783–1842), романист, писавший под псевдонимом Стендаль, увидел Россию в обстоятельствах самых неблагоприятных, будучи офицером наполеоновской армии в той провальной кампании, которую он прошел от начала и до конца. Для него русские были врагами, пытавшими и убивавшими солдат, отставших от своих или попавших в плен. По словам одного из биографов Стендаля, «едва попав в Россию, он начал презирать все, что видел вокруг»; как говорил писатель одному из сослуживцев, «здесь ничего не трогает душу: все гниет и воняет, физически и морально»⁶³.

Русский вояж французского поэта и драматурга Теофиля Готье (1811–1872) осуществлялся с деловыми целями. Некий голландский издатель задумал выпустить в свет роскошный альбом гелиографюр (особый способ печати) Санкт-Петербурга, которые нужно было сопроводить текстом. Готье провел в русской столице целую зиму, с октября 1858 по март 1859 года. Несмотря на официальную поддержку, средства для реализации проекта поступали медленно, и разочарованный писатель вернулся во Францию. Он вновь приехал в Россию осенью 1861 года. Оба путешествия Готье проводил в обществе французов, почти не проявлявших интереса к местным жителям⁶⁴. В двухтомнике «Путешествие в Россию», который вышел в 1866 году, Готье запечатлел некоторые наблюдения о людях, в чьей стране он вдруг оказался. Он, в частности, отмечает, что женщины на улицах русских городов, как и на Востоке, встречаются редко или что русские исключительно вежливы, — но это едва ли не всё.

Александр Дюма (1802–1870), приехавший в Россию почти одновременно с Готье, также не проявлял любознательности в отношении местного населения. Остановившись на время в Казани, он оставил безжизненное описание городского быта: «Глава, посвященная Казани, очень типична для тех описаний русских городов, которыми изобилует стиль

En Russie. Приведя несколько статистических данных о числе жителей, улиц, домов и т.д. в Казани, Дюма иронически спрашивает читателя: “Вы полагаете, это я исчислил все это? Нет, это ученый немецкий историк Эрдманн. Немцы обладают на черепе бугром статистики”. Сам Дюма глубоко равнодушен к ней. Его гораздо более интересуют экскурсии в историческое прошлое данного города. ...Он любит подавать их с приправой исторических рассказов и преданий. Дюма любит описывать, как люди едят и пьют, но его мало интересует их экономический быт, их правовой уклад. До Дюма словно не доносится ни одного всплеска, ни одной волны из огромного народного моря, глухо шумящего повсюду на его пути. Крепостной крестьянин, городской ремесленник, волжский бурлак, простой солдат, далее: чиновник, учитель, студент, профессор — их нет на размашистых страницах Дюма, словно их не было в русской жизни»⁶⁵.

Оноре де Бальзак (1799–1850) посещал Россию трижды: в 1843 году он побывал в Санкт-Петербурге, а в 1847 и 1848 году приезжал на Украину. Во время всех этих визитов он сопровождал Эвелину Ганскую, польскую даму, в которую был влюблен. (После долгих ухаживаний он в 1850 году женился на ней, это произошло всего лишь за пять месяцев до его смерти.) Свои впечатления о России и Украине французский писатель запечатлел в «Письме о Киеве», опубликованном в Париже только через восемьдесят лет. Он полагал, что «русский характер есть по преимуществу азиатский»: русские склонны к слепому подчинению своим правителям, и это качество может пойти им на пользу, когда они, в неопределенном будущем, попытаются завоевать весь мир⁶⁶. Как будет показано ниже, Бальзак был очарован русским крестьянством, считая его более счастливым, нежели французские крестьяне.

Хотя имя Роберта Бремнера известно не слишком широко, этот английский путешественник, посетивший Россию в 1836 году и написавший книгу «Эксперсии по России»⁶⁷, оставил весьма проницательные наблюдения о природе и поведении русских, в особенности представителей

низших сословий. Для начала он объявляет, что русские не похожи на иные народы: «Русские уникальны, ни одно племя рода человеческого не похоже на них. Русский человек не азиат и не европеец; отчасти в нем есть и то, и другое, но ни азиатские, ни европейские черты характера не запечатлелись в нем настолько явственно, чтобы его можно было с определенностью причислить к одной из этих групп»⁶⁸. Читателя поражают его благостные описания русских крестьян, вероятно, первые во всей путевой литературе о России. Он находит их миролюбивыми и добросердечными: «Мы никогда не видели, чтобы они ссорились друг с другом; зато взаимные похлопывания по плечу или поцелуи среди этих бородастых джентльменов наблюдаются крайне часто. Их деликатность по отношению друг к другу безгранична. Два человека в овчинных тулупах, если они близко знакомы, встретившись на улице, так кланяются, что их можно принять за членов Французской академии. Вместе с тем это желание отвешивать поклоны в их случае не столь неразборчиво, как у французов, которые кланяются всем подряд, и друзьям, и врагам, но в особенности своим начальникам. С другой стороны, русский почти не обращает внимания на людей незнакомых; лишь друзья, приятели и родственники удостоиваются того, что он, проходя по дороге, снимает шапку. Вместе с тем если незнакомец обратится за помощью, то крестьянин будет вежлив и всеми силами постарается помочь. ...Если же вы иностранец, не слишком хорошо владеющий языком, то можете рассчитывать на то, что над вашими ошибками не станут смеяться, как это принято в Англии. Вместо того чтобы высмеивать ваши промахи, русский даст вам понять, что признателен уже за то, что вы смогли выучить хотя бы слово на его языке»⁶⁹.

Бремнер отвергает обвинение русских в бесчестности, зачастую выдвигаемое другими наблюдателями: «Двуличие и вероломство, насколько свидетельствовал наш опыт, встречается среди них крайне редко. У нас не пытались вымогать деньги, пользуясь тем, что мы иностранцы. Лавочники действительно запрашивали за свой товар сверх всякой меры, но точно так же они поступают и со своими соотечествен-

никами. Это обыкновение не похоже на стремление обмануть, скорее оно кажется неотъемлемой особенностью искусства торговаться, в полной мере освоенного как местными продавцами, так и покупателями»⁷⁰.

Разумеется, недостатки у русских тоже есть. Так, от них не очень хорошо пахнет, поскольку они моются всего лишь раз в неделю. Кроме того, они отъявленные алкоголики: «Русская манера пить уникальна. Даже в своих пороках русский не похож на представителей иных народов. Одни нации пьют ради удовольствия, но русские занимаются этим, чтобы напиться. Француз проводит свой длинный выходной у стойки, с demi-litre [пол-литра], но, даже прикончив бутылку, вечером отправляется домой. Он приходит в кафе поговорить, *roug se désennuyer* [прогнать скуку], повидаться с друзьями или потанцевать со своей милой. Вино здесь лишь второе дело; это инструмент удовольствия, а не самоцель. Англичанин отправляется в таверну послушать чтение газеты, поругать правительство и выкурить трубочку; иной раз он уходит навеселе, но ему станет стыдно, если потом кто-то скажет, что он уходил пьяным. Он является сюда не для выпивки, а ради компании и разговора. Для того чтобы по-настоящему напиться, французу или англичанину требуются часы; но с русским все иначе — он напивается мгновенно. Он входит в кабак, подзывает хозяина, отсчитывает деньги, хватая посудину и одним залпом опорожняет ее враз, превращаясь в скотину»⁷¹. Сходные наблюдения мы можем найти у Олеария и Коллинза в XVII веке, Массона и энциклопедистов в XVIII, Гакстаузена в XIX.

«Свобода для них почти ничего не значит, это всего лишь слово», — пишет Бремнер⁷². Его итоговый вывод таков: «У нас есть все основания считать подавляющее большинство русского народа обладателем великолепных естественных качеств: со всеми, кто относится к ним тепло, эти люди дружелюбны, добросердечны и отзывчивы»⁷³. И еще: «Среди иностранцев нет народа, который был бы более близок к англичанам, чем русские»⁷⁴.

Эти наблюдения, сделанные в то время, когда крепостное право повсеместно осуждалось как завуалированная форма рабства, поражают своей

оригинальностью. Бремнер оказался одним из первых, а может быть, и самым первым автором, изобразившим русского крепостного человеком, а не бессловесным животным. Сделав это, он опередил Ивана Тургенева, который опубликовал свои «Запаски охотника» лишь через несколько лет.

Книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», опубликованная в Париже в 1843-м, общепризнанно считается наиболее известным отчетом о путешествии в Россию из когда-либо опубликованных. Своей популярностью она обязана двум обстоятельствам: бескомпромиссным отношением автора к русскому самодержавию и его блестящему слогу. Маркиз де Кюстин (1790–1857) отправлялся в Россию, пресытившись сумбурностью политической жизни в своей родной Франции и рассчитывая найти в чужой стране «аргументы против представительного правления». На протяжении двух с половиной месяцев, пока он путешествовал по стране, ему оказывали самый теплый прием: он удостоился даже аудиенции у царя Николая I. Но это не помешало французу покинуть пределы Российской империи убежденным врагом самодержавия и сторонником конституции. Политическая озабоченность автора обернулась тем, что самим русским людям, которых он называет «непостижимыми»⁷⁵, он уделяет не слишком много внимания. Тем не менее во второй том его труда включена глава (письмо ХХІХ), в которой он пытается охарактеризовать русскую душу. Ниже приводятся весьма показательные фрагменты из нее.

«Когда русские в добром настроении, они пленяют вас, как бы сильно вы ни были предубеждены против них: сначала вы не замечаете, что очарованы, а потом не можете и не хотите избавиться от этих чар; понять, отчего это происходит так же невозможно, как объяснить работу фантазии или проникнуть в тайну колдовства; власть русских над нами — могучая, хотя и непонятная — коренится, возможно, в природном обаянии славян — том даре, который в обществе заменяет все прочие дары, а сам не может быть заменен ничем, ибо обаяние — это, пожалуй, и есть то

единственное достоинство, которое позволяет обойтись без всех остальных»⁷⁶.

«Русские — отличные актеры; они умеют играть и без сцены. Все путешественники обвиняют их в непостоянстве; упрек этот более чем основателен: стоит русским проститься с вами, и они тотчас же вычеркивают вас из сердца; я объясняю этот изъян не только их легкомыслием и ветреностью, но и недостатком образованности. Русские предпочитают поскорее распрощаться с иностранным гостем, потому что опасаются сколько-нибудь продолжительного существования бок о бок с ним: оттого-то их пылкое увлечение приезжими так стремительно оборачивается безразличием. Это мнимое непостоянство — лишь предосторожность, продиктованная хорошо известными интересами оберечь тщеславия и достаточно распространенная среди великосветских особ во всем мире. Тщательнее всего скрывают люди не порок, а пустоту; человек стыдится не своей развращенности, а своей ничтожности; следуя этому правилу, русские вельможи охотно выставляют напоказ те свойства ума и характера, которые пленяют с первого взгляда и позволяют в течение нескольких часов поддерживать увлекательную беседу; однако попытайтесь заглянуть за поразившие вас декорации — и гостеприимные хозяева преградят вам путь как нескромному соглядатаю, дерзнувшему приоткрыть дверь в спальню, изящно отделанную только снаружи. Принимают нас русские из любопытства, а отталкивают — из осторожности»⁷⁷.

«В одном отношении все русские похожи: все они легкомысленны, все живут сегодняшними интересами, забывая наутро о планах, родившихся накануне вечером. Можно сказать, что сердце их — царство случая; с обезоруживающей легкостью они соглашаются на любое дело и так же легко от этого дела отказываются. Они — отражения, они грезят и навевают грезы, они не земные существа, а призраки; они живут и умирают, не успев заметить, что жизнь — серьезная штука. Ни добро, ни зло для них не имеют большого веса; они умеют плакать, но не умеют чувствовать себя несчастными. ...Все это объясняет мне, отчего по сей день русские,

кажется, обречены Провидением повиноваться деспотической власти: монархи угнетают их столько же по привычке, сколько из жалости»⁷⁸.

Царь Николай I был возмущен книгой де Кюстина; на протяжении XIX столетия ее публикация в России была запрещена. В Советском Союзе ее ценили не лучше, причем вопреки предположениям о том, что коммунистических правителей должно было бы порадовать очернительство их венценосных предшественников. Советский историк, пытавшийся издать этот труд в 1982 году, сталкивался с неоднократными отказами, озадачивавшими его. Наконец некий редактор объяснил ему, в чем дело: «Ты не от мира сего, ты забыл, где и в какое время ты живешь. Твой маркиз писал не только о России 1839 года, но и о нынешней. У нас чиновничество, и бюрократизм, и холуйство — у нас деспотия. Только не царей и князей, а наших родных аппаратчиков. Они плюют на народ»⁷⁹. Полная и неадаптированная версия книги де Кюстина появилась в России только в 1996 году — через полтора столетия после того, как она была опубликована во Франции.

Август Франц фон Гакстгаузен (1792–1866) достоин упоминания в первую очередь из-за его авторитетной работы «Этюды о внутренних отношениях народной жизни и в особенности о земельных порядках России», впервые опубликованной в 1847–1852 годах. Эта книга прославилась тем, что именно она заставила русских интеллектуалов впервые осознать наличие в их стране самобытной крестьянской общины.

Будучи специалистом-аграрником, Гакстгаузен был приглашен в Россию Николаем I, который финансировал его поездку. Весной 1843 года он прибыл в Москву, а потом на протяжении года путешествовал по стране. И хотя в центре его внимания были земельные отношения, в своей работе он писал и о русских как о народе: «Есть в русском характере какая-то особая легкость и живость. Всякие устойчивые формы им отторгаются; русский испытывает отвращение к всяким нормам и правилам, а также к монотонному течению жизни. Он не нуждается в стабильном положении

в окружающем мире или в деловых отношениях, но требует полнейшей свободы — свободы идти куда хочется или оставаться дома, по собственному разумению. Ему трудно придерживаться размеренных привычек и режима; он гостеприимен и в расходах своих щедр, обожает риск, склонен к игре и к спекуляции. Когда он становится обладателем больших денег, малые суммы вообще перестают его интересовать. В своей семье или домашнем хозяйстве он избегает твердых правил, даже в отношениях между родителями и детьми или мужем и женой. О гарантиях частной собственности в России просто не знают, ибо никакое имущество не держится дольше двух поколений — люди сегодня богаты, а завтра нищи. Зато очень распространена коллективная или семейная собственность. У русского нет желания освободиться от надзора вышестоящего начальства: он почитает царя-батюшку, общинного старосту и помещика-крепостника. В некоторых случаях ему даже по душе, что его угнетают; это заставляет его собраться с силами, чтобы сбежать из-под ига. От начальства он требует строгости и решительности, но при этом управлять русскими посредством устойчивого законодательства или конституции невозможно. Им нравится свободная воля, и поэтому они обожают единоличную царскую власть, которую не ограничивают ни писаное право, ни вмешательство иных государственных органов. Мирская жизнь русского человека похожа на жизнь ранних христиан: у них тоже не было писанных норм, только христианские обычаи и обряды»⁸⁰.

Гакстгаузен был впечатлен Россией, которая, по его мнению, «заселена совершенно однородным, здоровым и сильным народом»⁸¹. Парадоксальным образом, пишет он, при всей своей тяге к свободе русский также любит прямодушно подчиняться приказам сверху. «Простой русский человек не раболепствует перед царем, а по-детски обожает его: он любит его с истовым умилением»⁸².

По мере того как приближался XX век, западные впечатления о России менялись к лучшему; среди зарубежных писателей — мемуаристов и

литераторов — все чаще встречались те, кто, разочаровавшись в перспективах западной цивилизации, был готов восславить Россию как потенциального спасителя человечества. Представителями именно этой группы были английский беллетрист Морис Бэринг (1874–1945) и австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926).

Бэринг, выходец из знатной банкирской семьи, впервые посетил Россию летом 1901 года, где он, по свидетельству биографа, «сразу же безоглядно влюбился в эту страну и ее обитателей»⁸³. Ему казалось, что Россия не похожа ни на одну из стран, которые он посещал ранее: он был настолько очарован, что начал изучать русский язык. По мнению Бернарда Пэrsa, ведущего британского специалиста по русской истории, для своего времени Бэринг «был, вероятно, наиболее проникательным знатком русской общественной жизни»⁸⁴. Он любил путешествовать в вагонах третьего класса, чтобы теснее знакомиться с представителями низших слоев общества и иметь возможность общаться с ними.

В апреле 1904 года, через два месяца после японской атаки на Порт-Артур, британская газета *Morning Post* отправила его в Маньчжурию в качестве военного корреспондента. Завершив эту миссию, Бэринг поселился сначала в Москве, а потом в Петербурге, продолжая писать для этого издания. В 1912 году он стал корреспондентом *Times*. Вот что он писал о России в то время: «Фактором, который объясняет многое, является то, что русское сердце переполнено христианской добродетели, которая выражает себя более горячо, интенсивно, просто и искренно, нежели у любого другого народа. Именно это качество придает особое очарование русской жизни, несмотря на всю убогость ее внешних обстоятельств, сообщая необычайную остроту музыке, душевность религии, простоту человеческим отношениям — иначе говоря, искусству, жизни и вере»⁸⁵.

Бэринг обнаружил, что русские не ценят «золотую середину»: «Русский человек легко впадает в крайности: ему, как правило, не по душе полумеры, он хочет получить все и сразу»⁸⁶. В другой своей работе автор

конкретизировал это качество: «Подобно тому как в области отвлеченной мысли русские готовы доводить свои замыслы до самого последнего логического предела, в сфере действия, где приходится поступать авантюрно и энергично, они не признают границ и препятствий»⁸⁷.

Подобно мадам де Сталь в свое время, Лу Андреас-Саломе (1861–1937) являлась выдающейся женщиной своей эпохи. Судя по фотографиям, она не была красавицей, но при этом к ней сватался затворник Фридрих Ницше, среди ее друзей числился Зигмунд Фрейд, а ее любовником на протяжении многих лет оставался знаменитый немецкий поэт Райнер Мария Рильке, который был моложе ее на пятнадцать лет⁸⁸. Рожденная в России от немки и русского генерала с немецкими корнями, она в 1880 году в девятнадцатилетнем возрасте покинула страну, чтобы изучать теологию и историю искусства в Цюрихе. В 1887 году она согласилась выйти замуж за востоковеда и в будущем профессора Гёттингенского университета Фридриха Карла Андреаса, поставив условием, что между ними не будет сексуальных отношений⁸⁹. Именно она познакомила Рильке с Россией и русской культурой, почитателем которой поэт сделался на долгие годы.

Это эссе вообще можно было бы завершить взглядом на Россию Рильке, поскольку в отличие от прочих путешественников, упомянутых выше и либо откровенно критиковавших Россию и русских, либо находивших в них что-то привлекательное, этот немецкий поэт все видел в сугубо благоприятном свете. Он обожал Россию и ее обитателей, русскую литературу, русские церкви и богослужения, русское искусство, как средневековое, так и современное, русскую деревню. Трудно найти другого гостя, который с таким же восхищением относился к увиденному и пережитому в этой стране: в ходе двух своих поездок в Россию Рильке как будто бы рассматривал ее сквозь специальное стекло, устраняющее всю нищету, уродство и зло. Он рьяно изучал русский язык и даже писал стихи по-русски. Одно время он всерьез задумывался о переезде в Россию на

постоянное жительство. В 1902 году Рильке писал Н.А. Толстому: «Все с большей ясностью я ощущаю, что Россия — моя родина, а все остальное — чужбина»⁹⁰.

Рильке встретил Лу Андреас-Саломе в мае 1897 года, будучи начинающим поэтом. По ее предложению — ей хотелось повидаться с матерью — они решили в компании с мужем Лу отправиться в Россию. Сев в поезд вечером 25 апреля 1899 года, троица после двухдневного путешествия оказалась в Москве. По воспоминаниям Рильке, он сразу почувствовал себя как дома: «Это был город моей стародавней и потаенной мечты»⁹¹. Они остановились в Большой Московской гостинице, известной также как Grand Hôtel de Moscou, которая в справочнике Бедекера за 1902 год была названа «первоклассным, но исконно русским отелем». Гостиница располагалась в двух шагах от Кремля. Тот день пришелся на Страстной четверг, предшествующий Пасхе.

Рильке разобрал свои саквояжи и отправился в Кремль. То, что произошло потом, потрясло его на всю жизнь — он очень часто вспоминал тот опыт. На ступенях кремлевских соборов он увидел толпы паломников; звонили колокола Ивана Великого; в переполненных храмах священники читали молитвы. Вот как поэт описывал случившееся: «После короткой передышки в гостинице я сразу же, несмотря на усталость, отправился в город. И вот на что я набрел: в сумерках проступали очертания гигантского храма, в тумане по сторонам его возвышались две маленькие серебряные часовни, на ступенях же расположились паломники, ожидавшие, когда откроются двери. Это необычное зрелище потрясло меня до глубины души. Впервые в жизни мною овладело невыразимое чувство, похожее на “чувство родины”, и я с особенной силой ощутил свою принадлежность к чему-то, Бог мой, к чему-то такому, что существует на свете...»⁹². В письме Лу, датированном 31 марта 1904 года, он вспоминал: «Я переживал русскую Пасху лишь единожды: это было той долгой, необычной, сказочной ночью, когда вокруг меня бурлила толпа верующих, а колокола Ивана Великого гулко били из темноты. То была

по-настоящему моя Пасха, и я верил, что она продлится до конца моей жизни. Зов, принятый мною той московской ночью, оказался необычайно стойким; он запечатлен в моей крови и моем сердце. Теперь я знаю: Христос воскрес!»⁹³.

С того момента Рильке видел в России и русских только хорошие и добрые черты. Он не обращал внимания на деспотический режим, охранку, сибирскую ссылку, цензуру, угнетение евреев. Перед ним предстал христианский народ, отзывчивый и гостеприимный, весьма превосходящий отравленные материализмом народы Европы и Америки. Это место стало для поэта родным. По словам Софьи Шиль, дружившей с ним и с Лу, эта пара «видела в народе все чистое и ясное, и это была истина. Но они не хотели видеть другой, столь же истинной правды о том, что народ гибнет в несправии, в нищете, в невежестве, что в нем вырастают пороки рабов: леность, разврат, обман, пьянство. Когда мы говорили об этом с глубокой скорбью, мы чувствовали, что это неприятно нашим друзьям; им хотелось (весьма законно) радости и чудной тишины»⁹⁴. Как пишет один из биографов Рильке, «в русском народе его более всего поражала непосредственность во взаимоотношениях с землей и Богом, терпение и смирение, непостижимая тайна, почвенный реализм. ...Ощущение того, что все вокруг связано с Богом, ни на миг не оставляло его в России»⁹⁵. Софья Шиль, которая провела с поэтом и его компаньонами много времени, говорила: «Они всюду искали подлинный лик России. Чем дальше все это было от литературы и европеизма, тем лучше»⁹⁶.

Из Москвы группа проследовала в Петербург, прибыв туда 3 мая. Лу с мужем остановилась у матери, а Рильке снял себе квартиру. Они ходили по музеям, поскольку немецкий поэт очень интересовался русским искусством, о котором впоследствии написал пару эссе⁹⁷. У них также состоялась встреча с прославленным художником Ильей Репиным. В целом, однако, этот вестернизированный город гостей разочаровал.

Сразу же после возвращения в Германию в середине июня 1899 года Рильке записался на курсы русского языка при Берлинском университете.

Его успехам на этом поприще способствовало то обстоятельство, что, будучи уроженцем Праги, он имел представление о чешском языке. Изучение русского он продолжал и позже, в Париже и Риме. Уровень владения языком, которого достиг Рильке, позволил ему изъясняться на нем и даже писать стихи. Он также занимался переводами русской литературы, включая средневековое «Слово о полку Игореве», пьесу Чехова «Чайка», фрагменты первого романа Достоевского «Бедные люди». В письме Леониду Пастернаку, отцу поэта, от 5 февраля 1900 года Рильке писал: «Хочу сообщить Вам, что Россия, как я Вам и предсказывал, оказалась для меня чем-то более существенным, нежели случайное событие. С августа прошлого года я почти исключительно занят тем, что изучаю русское искусство, русскую историю и культуру и — боюсь пропустить — ваш прекрасный несравненный язык; и хотя я еще не могу на нем разговаривать, но уже без усилий читаю Ваших великих (и каких великих!) поэтов»⁹⁸.

В начале мая 1900 года Рильке и Лу отправились во вторую, более длительную поездку по России — на этот раз только вдвоем. Их планы были масштабны: три недели в Москве, потом Тула, Киев, Полтава, Харьков и Воронеж, а затем на север по Волге, через Симбирск, Самару, Нижний Новгород, Ярославль, Тверь и снова Москву — с завершением вояжа в Петербурге. Путешествие длилось около трех месяцев, причем они повсюду, к удивлению русских, ходили, взявшись за руки, «словно дети»⁹⁹.

Покинув Москву, они нанесли визит Льву Толстому в Ясной Поляне. Это была вторая встреча с писателем — первая состоялась во время предыдущей поездки в Россию. Толстой встретил их не очень приветливо: находясь в ссоре с женой, он вместо обеда предложил им прогулку. В разговоре он попытался отвратить их от «религиозных предрассудков»¹⁰⁰.

Из Ясной Поляны пара проследовала в близлежащую Тулу, а оттуда в Киев, где провела две недели. Украинская столица разочаровала гостей — ее слишком преобразила «цивилизация»¹⁰¹. Оставив Киев, визитеры по Днепру отправились в Кременчуг, а оттуда в Полтаву. 23 июня они при-

были в Саратов, где сели на пароход, отправлявшийся вверх по Волге. На этом отрезке путешествия они провели три дня и три ночи в пустой крестьянской избе под Ярославлем; изрядно покусанные насекомыми, они все же нашли этот опыт приятным¹⁰². Странствие закончилось в Петербурге, где Рильке после отъезда Лу еще ненадолго остался. Похоже, что пара расставалась довольно прохладно.

Через много лет Рильке, рассуждая о себе в третьем лице, описал тот эффект, который на него произвела Россия: «Невзгоды детства привели к тому, что до конца второго десятилетия своей жизни он пребывал в убеждении, что одинок и в одиночку противостоит враждебному миру, ежедневно бунтуя против превосходства всех остальных. Ложность таких представлений могла породить — при всей искренности его порывов — лишь нечто болезненно искаженное. Россия не путем долгих угворов, а буквально за ночь — за одну первую московскую ночь — бережно освободила его от злого волшебства прежней скованности. Без тщеславных помыслов и особых усилий, словно открыв его сердцу пору чистого созревания, привела ему страна-примирительница бесчисленные доказательства обратного. Как он верил ей! Как восхищался братством! И если он, даже осознавший эту созвучность, так и не смог продвинуться дальше (возможно, потому, что ему не суждено было остаться на русской земле), он никогда ее не забудет, он помнит о ней, пытается ее воплотить»¹⁰³.

Рильке планировал третью поездку в Россию, но по определенным причинам это намерение так и не было реализовано. И все же Россия оставила неизгладимый отпечаток в его произведениях¹⁰⁴. Причем его чувство к России и русскому народу никогда не ослабевало. Поэт даже приветствовал большевистский переворот 1917 года, надеясь, что он положит конец мировой войне¹⁰⁵. Когда в декабре 1926 года, накануне кончины, он писал последнее письмо Лу Андреас-Саломе, оно открывалось русским словом «дорогая». Заканчивалось оно также по-русски: «Прощай, дорогая моя»¹⁰⁶.

Одной из ярких черт русского национального характера, выделяемых зарубежными гостями и путешественниками, было непостоянство: им казалось, что русские лишены сколько-нибудь устойчивых качеств, они с готовностью приспосабливаются к любым обстоятельствам, в которых оказываются, и с легкостью подражают иностранцам. Им хочется быть свободными в выборе занятий. Это касается и профессиональной деятельности: они с равной готовностью становятся плотниками, чиновниками, специалистами. Русские представляются бесконечно податливыми: они не контролируют обстоятельства своей жизни, а поддаются их воздействию. По словам Мориса Бэринга, «славянин есть полная противоположность варвару. Прежде всего, он миролюбив, уступчив, податлив и пластичен; в силу этого его отличает гибкость ума, способность к имитации и ассимиляции и сопутствующая этому нехватка оригинальности и инициативности. Славянину не хватает воли и характера, он перенасыщен идеями, сочувствием и симпатией»¹⁰⁷.

Вопреки распространенному представлению о том, что русские — угрюмые и застегнутые на все пуговицы сервильные люди, многие путешественники находили их удивительно свободными от условностей, связывающих европейцев. Бэринг с удивлением отмечает, что Россия открылась ему как очень «естественное» общество: «Каждый здесь делает то, что хочет, без всякого смущения; все носят ту одежду, которая нравится, и курят то, что хочется; живут очень просто, не связывая себя избыточным материальным бременем»¹⁰⁸. До той поры, пока речь не заходила о политике, русские казались очень раскованным народом.

Крепостничество рассматривалось русскими интеллектуалами в качестве абсолютного зла не только из-за того, что оно низводило человеческую личность до рабского состояния, но и потому, что оно делало людей нищими. Вот как высказывался по этому поводу Александр Герцен: русские крестьяне, писал он, «кротко, грустно несут тяжелый крест жизни, черно проводят ее, имея в перспективе розги, голод и барщину, если оброчный — рекрутство, взятие во двор. ...Мудрено ли, что у нашего

крестьянина не развилось право собственности в смысле личного владения, когда его полоса не его полоса, когда даже его жена, дочь, сын — не его? Какая собственность у раба; он хуже пролетария — он *res*, орудие для обрабатывания полей»¹⁰⁹. Подобное ощущение было типичным для интеллигенции первой половины XIX столетия.

В свете сказанного довольно удивительно читать описания крестьянства, составлявшего тогда четыре пятых русского населения, оставленные иностранными путешественниками. Им в основном казалось, что крестьяне чувствуют себя неплохо и обходятся с ними хорошо. Несмотря на свой непрезентабельный вид, русский крестьянин изображался добросердечным, готовым помочь, веселым. Это, наверное, одна из самых неожиданных особенностей путевых записок и заметок. Так, английский историк и педагог Уильям Кокс, посетивший Россию в конце XVIII века, когда крепостничество было в самом расцвете, был очарован русскими крестьянами: «Крестьяне в обхождении друг с другом весьма ласковы и приветливы, снимают шляпы, кланяются по несколько раз и целуются. ...Крестьяне одеты хорошо, живут спокойно, и, кажется, ко всему привычны. Пища их проста, но здорова». Кроме того, его приятно удивила склонность местных жителей к коллективному пению: «Во все продолжение путешествия нашего по России я не мог надивиться охоте русского народа к пению. Как скоро ямщик сядет на козлы, тотчас начинает запевать какую-нибудь песню. ...Но еще удивительнее было для меня, когда пели на два хора, так, что один, казалось, спрашивал, а другой отвечал. Ямщик поет от начала до конца станции, земледелец не перестает петь при самых трудных работах; во всяком доме раздаются громкие песни, и в тихий вечер нередко доходят до слуха вашего отголоски из соседних деревень»¹¹⁰.

Граф де Сегюр, с 1784 года исполнявший обязанности французского посла в Петербурге, пишет о русских крестьянах следующее: «Русское простонародье, погруженное в рабство, не знакомо с нравственным благосостоянием, но оно пользуется некоторою степенью внешнего доволь-

ства, имея всегда обеспеченное жилище, пищу и топливо; оно удовлетворяет своим необходимым потребностям и не испытывает страданий нищеты, этой страшной язвы просвещенных народов. Помещики в России имеют почти неограниченную власть над своими крестьянами, но, надо признаться, почти все они пользуются ею с чрезвычайно умеренностью; при постепенном смягчении нравов подчинение их приближается к тому положению, в котором были в Европе крестьяне, прикрепленные к земле (*servitude de la glèbe*). Каждый крестьянин платит умеренный оброк за землю, которую обрабатывает, и распределение этого налога производится старостами, выбранными из их среды». «Во время пятилетнего моего пребывания в России, — продолжает он, — я не слышал ни одного случая жестокости и угнетения. Крестьяне действительно живут в рабском состоянии, но с ними хорошо обращаются»¹¹¹.

Известный французский драматург Жак Арсен Франсуа Ансело (1794–1854), посетивший Россию вскоре после восхождения на престол Николая I, также был весьма поражен добротой и добронравием русских крестьян: «Умные и услужливые, они употребляют все свои способности, чтобы понять вас и оказать вам услугу. Иностранцу достаточно нескольких слов, чтобы объяснить свою мысль русскому крестьянину; глядя вам прямо в глаза, он стремится угадать ваши желания и немедленно их исполнить. При первом взгляде на этих простых людей ничто так не поражает, как их крайняя учтивость, резко контрастирующая с их суровым обликом и грубой одеждой. Учтивые обороты, которых не услышишь во Франции в низших классах и которые составляют здесь украшение народного языка, они употребляют не только в разговоре с теми, кого благородное рождение или состояние поставило выше их, но в любых обстоятельствах: встречаясь друг с другом, они снимают шапки и приветствуют друг друга с чинностью, которая кажется плодом воспитания, но на самом деле есть результат природного благонравия. Если же между простолюдинами разгорается спор или перепалка, возбуждающая гнев, они осыпают друг друга оскорблениями, но, сколь бы яростной ни

была ссора, она никогда не доходит до драки. Никогда вы не увидите здесь тех кровавых сцен, какие так часто можно наблюдать в Париже или Лондоне. ...Русский крестьянин от природы добр, и лучшее свидетельство тому — его бурная веселость и безмерная нежность ко всем окружающим, когда он под хмельком. В этом положении, снимающем внешние запреты и обнажающем сердце человека, он не выказывает ни злонамерения, ни стремления задеть других. Теряя рассудительность, он сохраняет свою наивную доброжелательность»¹¹².

Марта Вильмот (1775–1873), ирландская леди, посещавшая Россию в начале XIX столетия, была поражена зажиточностью русских крепостных: «Самые беднейшие из этих людей живут в таком изобилии, которое и не снилось нашим неимущим. Крестьянство этой страны действительно имеет все, что нужно не только для выживания, но и для удивляющего наблюдателя комфорта»¹¹³.

Умиление по поводу «мужика» испытывает и де Кюстин. «Нигде более, чем в этой части России, не видал я столько прекрасных старческих лиц — и безволосых, и седых. Лики Иеговы, непревзойденно писанные первым учеником Леонардо да Винчи, — творения не столь идеальные, как думалось мне при виде фресок Луини. ...Здесь такие лики встречаются вживе на пороге любой хижины; эти красавцы старики — румяные, круглощекие, с блестящими голубыми глазами, с умиротворенным выражением на лице, с серебристой, переливающейся на солнце бородой, оттеняющей безмятежно-доброжелательную улыбку на устах, — они напоминают идолов-хранителей, стоящих на деревенской околице. Величественно восседая посреди родной земли, эти благородные старцы приветствуют проезжих — точь-в-точь древние статуи, символы гостеприимства. ... Надобно побывать среди русских селян, чтобы постичь чистый образ патриархального общества и возблагодарить Господа за тот блаженный удел, что даровал он, невзирая на все ошибки правительств, этим кротким созданиям, между рождением и смертью которых пролегает лишь долгая череда лет, прожитых в невинности»¹¹⁴.

«Русский крестьянин правилом себе полагает не считаться ни с какими препонами — только не в желаниях своих, бедный слепец! — но в выполнении господской воли. Вооружившись топором, который всюду носит с собой, он превращается в настоящего волшебника и сотворяет в мгновение ока любую вещь, какой не найти в глуши. ...Если вы решили заночевать в лесу, этот мастер на все руки возведет вам дом для ночлега; и наскоро сметанная хижина будет лучше любого городского трактира. ...Меня восхищает простота их понятий и чувств. Бог — властелин небес, царь — властелин земли; вот и вся теория; а вся практика — барские приказы, а то и прихоти, подкрепляемые покорством раба. Соответственно таким социальным верованиям живет он безрадостно, но и не без гордости»¹¹⁵.

Вышеприведенные наблюдения подтверждает и Роберт Бремнер. «Нас всегда поражала ухоженность здешних людей и их жилищ, — пишет он. — Каждый местный житель кажется пристроенным и не испытывающим недостатка в еде, топливе, одежде»¹¹⁶. Кроме того, «есть области Шотландии, где народ ютится в домах, которые русский крестьянин сочтет негодными для своей скотины»¹¹⁷.

Бэринг же с удивлением выяснил, что у предположительно неграмотных русских мужиков есть литературные вкусы. Будучи военным корреспондентом, он слышал, что почти все солдаты — крестьяне в военной форме — читали «Потерянный рай» Мильтона и что эту книгу можно найти едва ли не в любом деревенском жилище¹¹⁸.

Оноре де Бальзак полагал, что русский крепостной живет в таком довольстве, что освобождение пошло бы ему во вред. Вот как он обосновывает эту точку зрения в своем «Письме о Киеве»: «Не боясь прослыть парадоксалистом, можно сказать, что русский крестьянин в сотню раз счастливее, чем те двадцать миллионов, что составляют французский народ, иначе говоря, те французы, которые не считаются ни богачами, ни, если угодно, людьми зажиточными. Русский крестьянин живет в деревянном доме, обрабатывает собственный кусок земли, равный при-

близительно двум десяткам наших арпанов. Урожай, который крестьянин с нее снимает, принадлежит не помещику, а ему самому; взамен крестьянин обязан отработать на помещика три дня в неделю, за дополнительное же время ему платят отдельно. Эти сто пятьдесят дней в году необходимы для того, чтобы вспахать помещичью землю, засеять ее и снять урожай. Таким образом, можно сказать, что крестьянин расплачивается за аренду тридцати арпанов земли ста пятьюдесятью днями работы, во Франции же это обошлось бы ему в триста франков. Налоги крестьянин платит ничтожные. В довершение всего помещик обязан иметь большие запасы хлеба и кормить крестьян в случае неурожая. Заметьте притом, что работают крестьяне скверно, так что для помещиков было бы куда лучше иметь дело с людьми свободными, которые, подобно нашим крестьянам, трудились бы за плату; зато крестьянин при нынешнем порядке вещей живет беззаботно, как у Христа за пазухой. Его кормят, ему платят, так что рабство для него из зла превращается в источник счастья и покоя. Поэтому предложите русскому крестьянину свободу в обмен на необходимость трудиться за деньги и платить налоги, и он ее отвергнет»¹¹⁹.

Это мнение разделял и Ксавье Мармье, французский писатель и путешественник, посетивший Россию в 1845 году: «В целом нам присущи предельно превратные представления касательно того, каков статус русского крепостного и в каких базовых условиях он проживает. Подступаясь к этому вопросу с либеральными идеями собственной страны, мы неоправданно сокрушаемся по поводу их ситуации. Помещичьи крестьяне, несмотря на тяжелые условия труда и налогообложения, в целом находятся в более благоприятном положении, нежели государственные крестьяне. Находясь под неусыпным надзором хозяев, они имеют больше возможностей для декларирования собственных нужд и взывания к барской справедливости. И если даже помещик лишен гуманистических чувств и побуждений, его корыстный интерес заставляет обращаться с крестьянами бережно, поскольку они есть собственность, обеспечиваю-

щая доход. Чем больше они склонны трудиться, тем большей отдачи ожидает от них хозяин. ...Среди русских крестьян часто ходят разговоры об эмансипации, и вместо того чтобы воодушевлять, они пугают мужиков. Действительно, порой бывают ситуации, когда целые деревни отказываются от предлагаемого освобождения, так как их обитателям кажется, что, согласившись на эмансипацию, они лишатся покровительства, которое обеспечивает им безопасность»¹²⁰.

В этих суждениях нужно видеть не спорадические и поверхностные впечатления заезжих гостей, а типичную реакцию людей, которые оценивали не моральные аспекты крепостничества, а его реальность.

Иностранцев глубоко трогало то, насколько строго простые русские люди соблюдают православную обрядность, и в особенности посты. Они не ели мяса по средам и пятницам, а также во время постов, когда наряду с мясной пищей отказывались также от яиц, масла и молока; у некоторых пост был настолько строг, что они ограничивались сугубо хлебом и водой. Действительно, для многих русских пост выступал самой сутью их религии. Другими проявлениями набожности считались подача милостыни нуждающимся и паломничества к святым местам¹²¹. Но нередко, однако, у наблюдателей складывалось такое впечатление, что для русских вся религиозная вера сводилась к ритуалу и совсем не влияла на обыденное их поведение.

Среди тех, кто не разделял преобладавшие оптимистические и благостные оценки, был российский корреспондент английской газеты Daily Telegraph Эмиль Джозеф Диллон (1854–1936), писавший под псевдонимом Ланин. В своей книге «Русские черты»¹²² он называет участь крестьян «ужасающей»; согласно авторским оценкам, она хуже, чем при крепостничестве. Крестьяне, по его словам, живут в «бессловесном рабстве», выказывая столь выразительную смесь «покорности, невежества и предрассудков, какую невозможно найти больше нигде»¹²³. Следует, впрочем, иметь в виду, что Диллон опубликовал свою работу в ту пору, когда Россия переживала беспрецедентный голод, унесший около 400 тысяч жизней.

Если говорить о впечатлениях от высших слоев общества, то они были по большей части неблагоприятными. Весьма типичны в указанном смысле замечания священника Роберта Пинкертона, миссионера, который тринадцать лет проработал в России в рядах Библейского общества: «Все благородные сословия подвержены праздным и развращающим привычкам, коим следуют богачи в других европейских странах, — это спектакли, балы, маскарады, азартные игры. В полезной деятельности они почти не находят удовольствия; если судить по их поступкам, то многие из них, как представляется, видят смысл жизни лишь в организации и потреблении развлечений»¹²⁴.

Иностранцев очень удивляло, что дворянский статус в России определялся успехами в государственной службе, а не происхождением рода¹²⁵. Ричардсон с презрением называл русских аристократов «напыщенно безвкусными» и пренебрегающими образованием для своих детей¹²⁶. Не впечатляли они и Массона: «За границей можно встретить только русского дворянина, на родине только его можно хорошо узнать, — он действительно обладает большими способностями сливаться во мнениях, нравах, манерах с другими нациями. Он будет фриволен, как бывший французский петиметр, будет сходить с ума от музыки, как итальянец, будет рассудительным, как немец, своеобразен, как англичанин, низок, как раб, и горд, как республиканец. Вкусы и характер он будет менять так же легко, как моды, и, несомненно, эта физическая и умственная гибкость — его отличительная черта»¹²⁷.

Граф Джордж Макартни (1737–1806), два года прослуживший в Петербурге в качестве британского торгового представителя, высказывается о русской знати так: «С завистью ощущая превосходство цивилизованных наций, понимая свои ошибки, но не имея ни возможности, ни желания их исправить, они стараются прятать свои слабости под показным презрением к иностранцам и унижением их. ...Русские господа относятся к числу наиболее невежественных представителей благородных сословий Европы. ...Впадая в самые абсурдные имитации иностранных

обычаев и манер, пренебрегая здравым смыслом, они усваивают такие нравы и моды, которые совершенно не подходят климату их страны и причиняют немалые неудобства им самим»¹²⁸. Зарубежных гостей поражала и расточительность, отличавшая жизненный стиль русских аристократов. Французский писатель Шарль Виктор Прево д'Арлинкур, побывавший в России в начале 1840-х годов, отмечал: «С роскошью их салонов не сравнится ничто»¹²⁹.

Согласно общераспространенному мнению, выдающейся и восхитительной чертой русских было их умение принимать гостей. «Русское гостеприимство несравненно, — писал Кокс. — Всякий раз, когда мы наносили утренний визит к какому-нибудь вельможе, нам приходилось оставаться до обеда; приглашения на приемы мы получали постоянно»¹³⁰. Немец Иоганн Фридрих Рихтер, приезжавший в Россию между 1788 и 1804 годом, подтверждает: «Гостеприимство есть ярчайшее качество русского национального характера. ...Незнакомцев здесь с радостью и готовностью приглашают в дом, предлагают им еду и питье, не обращая внимания на чины и сословия. ...Славен народ, у которого столь чистое и беззаветное гостеприимство превратилось в национальный обычай!»¹³¹. Вторит ему и француз Массон: «Если воровство и пьянство можно считать самыми отвратительными пороками русских, то гостеприимство и храбрость относятся к их наиболее выдающимся качествам»¹³². Согласно мемуарам Мармье, «одной из наследственных черт русского дворянства выступает гостеприимство — идеальная добродетель древних славян, трогательное очарование северных племен. В Петербурге и Москве меня, простого иностранца без официальных рекомендаций, часто принимали с необычайной добротой и любезностью, и это очень отличалось от моего опыта в Швеции и Дании. Это всегда был теплый, сердечный, щедрый прием, о чем я вспоминаю с благодарностью»¹³³.

Что касается русского духовенства, то иностранцы в основном отзываются о нем презрительно, указывая на глубокое невежество и поверх-

ностную религиозность. В указанном смысле типичны замечания Кокса, рассуждающего о приходском духовенстве как об отбросах общества, безграмотных и нищих, не допускаемых в приличный круг¹³⁴.

Заезжие гости нередко отмечали отсутствие в России среднего класса¹³⁵. Некоторые, как, например, мадам де Сталь, обнаруживали в таком положении вещей определенные плюсы: «Третьего сословия в России не существует; обстоятельство это весьма неблагоприятно влияет на судьбу литературы и изящных искусств, ибо обычно именно третье сословие способствует развитию просвещения. Однако благодаря этому отсутствию посредников вельможи и простолюдины испытывают друг к другу более сильную привязанность, чем в других странах. Оттого, что между ними нет никаких промежуточных разрядов, кажется, будто дистанция, разделяющая эти два сословия, огромна, на самом же деле по этой причине они соприкасаются гораздо более тесно. Такое устройство общества вовсе не способствует просвещению высших сословий, но отнюдь не препятствует счастью низших»¹³⁶.

Русских торговцев порой обвиняли в бесчестности, так как они завышали цены на свои товары. Но такие обвинения основываются на непонимании русских обычаев торговли, с которыми местные жители были хорошо знакомы. Американская путешественница, посетившая Россию в конце XIX века, описывала ее так: «Неоднократно наблюдая за тем, с каким рвением продавец и покупатель могут на протяжении получаса торговаться о грошовой уступке в цене, я делаю вывод, что они получают удовольствие от самого процесса, а дешевизна их рабочего времени позволяет им предаваться этому захватывающему делу. Тут положено спорить, спорить, спорить — а потом уступить»¹³⁷. Этому умению торговаться уделяет внимание и Роберт Лайэлл (1790–1831), который в 1815–1823 годах работал в России врачом: «Очень интересно наблюдать, как русские торгуются о цене с приезжими или между собой. После того как интересующий покупателя товар со всех сторон осмотрен и изучен, начинается битва. Продавец изо всех сил восхваляет

его достоинства, а покупатель в той же мере старается умалить их; и хотя товар может быть ему по душе, а качество его прекрасно, он всячески занижает его ценность, настойчиво повторяя, что это просто негодная дрянь. За всеми этими упражнениями стоит желание сбить цену»¹³⁸. По словам Бремнера, запрашивая цену, которая вдвое превышает реальную, русские лавочники ожидают, что покупатель обязательно будет торговаться¹³⁹.

* * *

Обозревая мнения, выносимые иностранными путешественниками и резидентами относительно русских, мы должны отделять тех, кто оценивал московскую Русь, от тех, кто знакомился с Россией в период после Петра Великого. По причинам, о которых говорилось выше, наблюдатели из первой группы получали лишь поверхностные познания о стране и фиксировали лишь внешнее поведение русских, а не их мысли и эмоции. Неудивительно, что москвиты казались им нецивилизованными и изображались в крайне негативном свете.

Постижение русской души стало более основательным начиная с петровской эпохи. Во-первых, иностранцам больше не мешали контактировать с местными жителями, как это было в Московии. Во-вторых, к тому времени сложилось убеждение в том, что каждая нация располагает своим самобытным и неповторимым «характером», который наиболее любознательные путешественники старались раскрыть. В результате отчеты о поездках в Россию вышли за рамки обычных путевых записок, превратившись в глубокомысленные попытки постичь русскую душу.

Согласно утвердившемуся мнению, русские лишены стойких черт характера, поскольку их весьма изменчивые индивидуальные свойства легко приспособляются к обстоятельствам. Русские люди лишь реагируют на изменения внешних условий, не пытаясь воздействовать на реальность. По мнению иностранцев, представители всех российских

сословий преимущественно пассивны. Дворянство склонно подражать иностранным образцам, в то время как культура крестьян укоренена в настоящем и не выходит за рамки сегодняшнего дня. Все это очень отличалось от западной культуры, превосходство которой некоторые зарубежные наблюдатели не раз подчеркивали¹⁴⁰.

Главными добродетелями русских считались гостеприимство и храбрость, а их основные пороки виделись в пьянстве и лживости. Тем не менее в русском характере сохранились такие достоинства, которые были утрачены европейскими современниками и по этой причине вызывали у них восхищение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Anna Babey. *Americans in Russia, 1776–1917*. New York, 1938. P. 13.
- 2 См.: *Россия и мир глазами друг друга*. Т. 1. М., 2000. С. 19.
- 3 См. оглавление работы: Василий Ключевский. *Сказание иностранцев о московском государстве*. М., 1991. С. 335.
- 4 Serguei Karp, Larry Wolff, eds. *Le mirage Russe au XVIIIe siècle*. Ferney-Voltaire, 2001. P. 57.
- 5 Denis Hay. *Europe: The Emergence of an Idea*. Edinburgh, 1957. P. 51–58; Ezequiel Adamovsky. *Euro-Orientalism: Liberal Ideology and the Image of Russia in France (1740-1880)*. Bern, 2006. P. 30.
- 6 Iver Neumann. *Use of the Other: «The East» in European Identity Formation*. Minneapolis, Minn., 1999. P. 67. [Ивэр Нойманн. *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М., 2004. С. 76–77. — *Здесь и далее в квадратных скобках приводятся примечания переводчика.*]
- 7 Gerard Delanty. *Inventing Europe*. Basingstoke, 1995. P. 30.
- 8 Sigismund von Herberstein. *Description of Moscow and Moscovy, 1557*. London, 1969. P. 22, 39, 133. [См. русский перевод: Сигизмунд фон Герберштейн. *Записки о Московии*. М., 1988.]
- 9 Anthony Jenkinson et al. *Early Voyages and Travels to Russia and Persia*. E.D. Morgan, C.H. Coote, eds. 2 vols. Hakluyt Society, 1886. Vol. 1. P. 37. [Цит. по русскому переводу: *Путешествия М. Антона Дженкинсона. Первое путешествие из*

Лондона в Россию, 1557 // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1884. № 4.].

- 10 Полный список этих изданий можно найти в работе: Samuel H. Baron. *The Travels of Olearius in 17th Century Russia*. Stanford, 1967. P. XVIII–IX.
- 11 Friedrich von Adelung. *Kritisch-Literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind*. St. Petersburg, 1846. Более полную библиографию см. в работе: Marshall Poe. *Foreign Description of Muscovy*. Columbus, Ohio, 1995.
- 12 Richard Hakluyt, ed. *The Discovery of Muscovy*. New York. P. 25 ff.
- 13 Адам Олеарий. *Описание путешествия в Московию*. СПб., 1906. С. 224.
- 14 Виктор Барабаш, Геннадий Бордюгов, Елена Котеленец. *Образы России в мире*. М., 2011. С. 73.
- 15 Richard Pipes, John Fine, eds. Giles Fletcher. *Of the Russe Common Wealth*. Cambridge, MA, 1966. P. 17. [См. русский перевод: Джайлс Флетчер. *О государстве русском*. СПб., 1905.]
- 16 Ibid. P. 20. [Флетчер. *О государстве русском*. С. 19.]
- 17 William Richardson. *Anecdotes of the Russian Empire*. London, 1784. P. 197.
- 18 Стихотворение «Трагические рассказы» (1587) цитируется по изданию: Anthony Cross, ed., *Russia under Western Eyes*. London, 1971. P. 70. [Перевод на русский язык Андрея Захарова. Альтернативный перевод Анастасии Севастьяновой таков:
Я чувствую тысячу уколов глубокой скорби
При мысли, что с суши на море, от счастья к злосчастью я ушел.
Я покинул мою родину совсем как безумец,
И в незнакомой мне земле вращался среди русских —
Людей чрезмерно грубых, к порокам низким склонных,
Народа, способного быть в свите Бахуса, поскольку пьянство в их природе.
Пьянство — все их наслажденье, баклага — все, за что они держатся,
А если однажды имеют трезвую голову, то и тогда нуждаются в советчике.

- Цит. по.: Джером Горсей. *Записки о России. XVI — начало XVII веков*. М., 1991. С. 52.]
- 19 Олеарий. *Описание путешествия в Московию*. С. 191. Аналогичные наблюдения в конце XVIII столетия сделал немец Христиан Готтлоб Цуге. См.: Mechthild Keller. *Russen und Russland aus deutscher Sicht: 18 Jahrhundert*. Munich, 1987. S. 243.
- 20 Олеарий. *Описание путешествия в Московию*. С. 181.
- 21 Речь идет об «Истории Александра Македонского», которую написал римский историк Квинт Курций Руф.
- 22 Олеарий. *Описание путешествия в Московию*. С. 186–187, 189–190.
- 23 Там же. С. 202–203, 209.
- 24 Там же. С. 178–180.
- 25 Marc Belissa. *La Russie mise en lumière*. Paris, 2010. P. 11.
- 26 Ting Tchao-Tsing. *Les descriptions de la Chine par les Français (1650–1750)*. Paris, 1928. P. 105.
- 27 Jean Chesneaux. *China in the Eyes of the French Intellectuals*. Canberra, 1987. P. 2–3. См. также: Colin Mackerras. *Western Images of China*. Oxford, 1989.
- 28 Yulia Mikhailova, William Steele, eds. *Japan and Russia: Three Centuries of Mutual Images*. Folkestone, Kent, 2008. P. 15.
- 29 Clifford Geertz. *The Interpretation of Cultures*. New York, 1973. P. 34.
- 30 *The Works of the Late Aaron Hill, Esq.* London, 1754. P. III, 185. [Перевод на русский язык Андрея Захарова. Альтернативный перевод Юрия Левина звучит так: «Британец и русский различаются лишь именем: по природному смыслу все народы равны. Далекие братья владеют одним разделенным на части миром, и человек везде — подданный разума». Цит. по: *Восприятие русской культуры на Западе: Очерки*. Л., 1975. С. 23.]

Ричард Пайпс

- 31 François Ignace Espiard de la Borde. *The Spirit of Nations*. London, 1753. P. 3–4.
- 32 Richardson. *Anecdotes*. Letter XXXIV.
- 33 См., например: Mechtild Keller, ed. *Russen and Russland aus deutscher Sicht: 19 Jahrhundert*. Munich, 1992. S. 106.
- 34 F.M. Barnard. *J.G. Herder on Social and Political Culture*. London, 1969. P. 35.
- 35 Richardson. *Op. cit.* P. 244.
- 36 *Ibid.* P. 245–246, 247, 252.
- 37 *Ibid.* P. 197.
- 38 *Biographie universelle ancienne et modern*. Vol. 27. Paris, 1820. P. 428–431.
- 39 Claude de Gréve. *Le Voyage en Russie*. Paris, 1990. P. 1187. [Цит. по: Шарль Массон. *Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I*. М., 1996. С. 136.]
- 40 Charles-François Masson. *The Secret Memoirs of the Court of St. Petersburg*. London, 1895. P. 268–269. [Цит. по: Шарль Массон. *Указ. соч.* С. 137.]
- 41 *Ibid.* P. 222. [Там же.]
- 42 *Ibid.* P. 273.
- 43 *Ibid.* P. 231. [Там же. С. 139.]
- 44 А.С. Пушкин. *Полн. собр. соч. в 10 т.* Т. 7. М.–Л., 1949. С. 23. Хотя Пушкин в этом эссе заявляет, что он цитирует неизвестного автора, позже было установлено, что он цитирует сам себя. См.: Сергей Дурьлин. *Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство*. 1939. № 33–34. С. 317.
- 45 Madame de Staël. *Des Circonstances Actuelles qui peuvent terminer la Révolution et des Principes qui doivent fonder la république en France*. Paris, 1799. P. 122.
- 46 См.: С. В-штейн. *Госпожа де Сталь // Вестник Европы*. 1900. № 10. С. 456.
- 47 Спустя пять лет она умрет в тот же самый день.

- ⁴⁸ О первой из них см.: Charles Dejob. *Madame de Staël et l'Italie*. Paris, 1890.
- ⁴⁹ Charles Corbet. *L'opinion Française face à l'inconnue Russe (1799–1894)*. Paris, 1967.
- ⁵⁰ Известно, что она обращалась к трем сочинениям по этой теме: «Истории России» Пьера-Шарля Левека (1782–1783), «Истории и рассказам о революции в России 1762 года» Клода Карломана Рюльера (1797) и «Секретным запискам о России времени царствования Екатерины II и Павла I» Массона (1800–1802). Подробнее об этом см.: Paul Gautier. *Introduction // Madame de Staël. Dix années de exil*. Paris, 1904. P. XV. О ее заметках, посвященных книге Левека, см.: Simone Balayé. *Les carnets de voyage de Madame de Staël*. Geneva, 1971. P. 474–485.
- ⁵¹ Germaine de Staël. *Ten Years in Exile*. De Kalb, Il., 2000. P. 138. [Цит. по: Жермена де Сталь. *Десять лет в изгнании*. М., 2003. С. 198.]
- ⁵² Germaine de Staël. *Considérations sur la Révolution française*. Paris, 1983. P. 428.
- ⁵³ Germaine de Staël. *Ten Years in Exile*. P. 145. [Цит. по: Жермена де Сталь. *Указ. соч.* С. 203.]
- ⁵⁴ Ibid. P. 143. [Там же. С. 202–203.]
- ⁵⁵ Ibid. P. 147. [Там же. С. 207.]
- ⁵⁶ Angelica Goodden. *Madame de Staël: The Dangerous Exile*. Oxford, 2008. P. 211.
- ⁵⁷ Germaine de Staël. *Ten Years in Exile*. P. 157. [Цит. по: Жермена де Сталь. *Указ. соч.* С. 217.]
- ⁵⁸ Ibid. P. 164. [Там же. С. 225.]
- ⁵⁹ Ibid. P. 165. [Там же. С. 226.]
- ⁶⁰ А.С. Пушкин. *Полн. собр. соч.* Т. 7. С. 286.
- ⁶¹ Там же. С. 22–26.
- ⁶² Б. Томашевский. *Пушкин*. Т. 2. М.–Л., 1961. С. 339.

Ричард Пайпс

- 63 Jonathan Keates. *Stendhal*. London, 1994. P. 147.
- 64 Francine-Dominique Liechtenhan. *Introduction // Théophile Gautier. Voyage en Russie*. Paris, 1990. P. 12--18.
- 65 Sergei Duriline. *Alexandre Dumas Père en Russie*. Paris, 1947. P. 56–57. [Цит. по русскому оригиналу: Сергей Дурылин. *Александр Дюма-отец и Россия // Литературное наследство*. 1937. Т. 31–32. С. 538.]
- 66 Honoré de Balzac. *Lettre sur Kiev*. Paris, 1927. P. 57. [См. эту работу на русском языке: «Письмо о Киеве» Оноре де Бальзака // Купола: исторический альманах. Киев, 2007. Вып. 4.]
- 67 Robert Bremner. *Excursions in the Interior Russia*. 2 vols. London, 1839.
- 68 Ibid. Vol. I. P. 106.
- 69 Ibid. P. 149–150.
- 70 Ibid. P. 150.
- 71 Ibid. P. 116–117.
- 72 Ibid. P. 109.
- 73 Ibid. P. 150.
- 74 Ibid. P. 208.
- 75 Le Marquis de Custine. *La Russie en 1839*. Paris, 1846. Письмо XXX. [Здесь и далее цитаты приводятся по русскому переводу: Астольф де Кюстин. *Россия в 1839 году*. Т. 2. М., 2000. С. 237.]
- 76 Ibid. P. 342. [Там же. С. 199.]
- 77 Ibid. P. 344–345. [Там же. С. 200–201.]
- 78 Ibid. P. 348–349. [Там же. С. 203.]
- 79 Михаил Буянов. *Маркиз против империи, или Путешествия Кюстина, Бальзака и Дюма в Россию*. М., 1996. С. 5–6.

- 80 Baron von Haxthausen. *The Russian Empire, Its People, Institutions, and Resources*. Vol. II. London, 1856. P. 232–233.
- 81 Ibid. Vol I. P. XXI. [Цит. по: Барон Август фон Гакстгаузен. *Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России*. Т. 1. С. XXI.]
- 82 Ibid. Vol II. P. 230.
- 83 Ethel Smyth. *Maurice Baring*. London, 1938. P. 19.
- 84 Bernard Pares. *The Fall of Russian Monarchy*. New York, 1961. P. 102.
- 85 Maurice Baring. *The Mainsprings of Russia*. London, 1914. P. 318.
- 86 Ibid. P. 161.
- 87 Maurice Baring. *The Russian People*. London, 1914. P. 49.
- 88 См. ее переписку с Фрейдом, изданную Эрнстом Пфайфером: *Sigmund Freud and Lou Andreas-Salomé: Letters*. New York – London, 1985.
- 89 Irmgard Hülsemann. *Lou Andreas-Salomé*. Munich, 1998. P. 239.
- 90 Константин Азадовский. *Рильке и Россия*. М., 2011. С. 205.
- 91 George Epp. *Rilke und Russland*. Frankfurt-am-Main, 1984. S. 26.
- 92 Азадовский. *Рильке и Россия*. С. 27; Sophie Brutzer. *Rilkes Russische Reisen*. Königsberg, 1934. S. 103.
- 93 Brutzer. *Rilkes Russische Reisen*. S. 104.
- 94 Азадовский. *Рильке и Россия*. С. 49–50.
- 95 Brutzer. *Rilkes Russische Reisen*. S. 102–103.
- 96 Азадовский. *Рильке и Россия*. С. 58.
- 97 Anne Tavis. *Rilke's Russia*. Evanstone, Ill. P. XVI.
- 98 Brutzer. *Rilkes Russische Reisen*. S. 14. [Русский перевод: *Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи*. Санкт-Петербург, 2003. С. 172.]

- ⁹⁹ Азадовский. *Рильке и Россия*. С. 443–444.
- ¹⁰⁰ Angela Livingstone. *Lou Andreas-Salomé*. London, 1984. P. 108.
- ¹⁰¹ Азадовский. *Рильке и Россия*. С. 55.
- ¹⁰² Lou Andreas-Salomé. *Russland mit Rainer*. Marbach, 1999. S. 82–83.
- ¹⁰³ “Das Testament” // Rainer Maria Rilke. *Werke*. Band 6. Frankfurt-am-Main, 1982. S. 597–598. [Цит. по: Азадовский. *Рильке и Россия*. С. 65].
- ¹⁰⁴ См.: Patricia Brodsky. *Russia in the Works of Rainer Maria Rilke*. Detroit, 1984.
- ¹⁰⁵ Ralph Freedman. *Life of a Poet: Rainer Maria Rilke*. New York, 1996. P. 417.
- ¹⁰⁶ *Rainer Maria Rilke and Lou Andreas-Salomé: The Correspondence*. New York, 2006. P. 360.
- ¹⁰⁷ Baring. *The Russian People*. P. 37–38.
- ¹⁰⁸ Emma Letley. *Maurice Baring: A Citizen of Europe*. London, 1991. P. 80.
- ¹⁰⁹ Александр Герцен. *Дневник, 1842–1845* // Он же. *Собр. соч. в 30 т.* Т. 2. М., 1954. С. 288.
- ¹¹⁰ William Coxe. *Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark*. 5th ed. London, 1802. Vol. 5. Book III. P. 70–71, 74–75. [Цит. по: Уильям Кокс. *Путевые записки от Москвы до Санкт-Петербурга одного англичанина в царствование Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии*. М., 1837. С. 43–44, 47–48].
- ¹¹¹ [Louis Philippe] Comte de Ségur. *Memoirs and Recollections*. Vol. II. London, 1826. P. 184–185, 190, 200. [Цит. по: Луи-Филипп Сегюр. *Записки о пребывании в России в царствование Екатерины // Россия XVIII века глазами иностранцев*. Ленинград, 1989. С. 329–330, 337.]
- ¹¹² Jacques-François Ancelot. *Six mois en Russie*. Brussels, 1827. Lettre XXXI. P. 211–213. [Цит. по: Франсуа Ансело. *Шесть месяцев в России. Письма к*

Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронавания его императорского величества. М., 2001.]

- ¹¹³ *Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803–1808.* London, 1934. P. 80.
- ¹¹⁴ Le Marquis de Custine. *La Russie en 1839.* Paris, 1846. Vol. IV. Lettre XXX. P. 9. [Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году. Т. 2. М., 2000. С. 234.]
- ¹¹⁵ *Ibid.* Vol. IV. Lettre XXXII. P. 101–102. [Там же. Т. 2. С. 286–287.]
- ¹¹⁶ Robert Bremner. *Excursions in the Interior of Russia.* London, 1839. Vol. II. P. 37.
- ¹¹⁷ *Ibid.* Vol. I. P. 155.
- ¹¹⁸ Maurice Baring. *What I saw in Russia.* London, 1927. P. 20–21.
- ¹¹⁹ Honoré de Balzac. *Lettre sur Kiev.* Paris, 1927. P. 65–66. [Цит. по русскому изданию: «Письмо о Киеве» Оноре де Бальзака // Купола: исторический альманах. Киев, 2007. Вып. 4.]
- ¹²⁰ Xavier Marmier. *Lettres sur la Russie, la Finlande, et la Pologne.* 2nd ed. Paris, 1851. P. 286, 293. Схожие суждения высказывал и британский путешественник Роберт Пинкертон, побывавший в России в 1810–1812 годах. См. его работу: Robert Pinkerton. *Russia or Miscellaneous Observations on the Past and Present State of that Country and Its Inhabitants.* London, 1833. P. 287–297.
- ¹²¹ См.: С. Трегубов. *Религиозный быт русских и состояние духовенства в XVIII веке по мемуарам иностранцев.* Киев, 1884. С. 59–64.
- ¹²² Emile Joseph Dillon. *Russian Characteristics.* London, 1892
- ¹²³ *Ibid.* P. VI, 2, 11, 12, 33.
- ¹²⁴ Robert Pinkerton. *Russia.* P. 316–317.
- ¹²⁵ Coxe. *Op. cit.* Vol. III. P. 136, 138.
- ¹²⁶ Richardson. *Op. cit.* P. 218.

Ричард Пайпс

- ¹²⁷ De Grève. *Le Voyage en Russie*. P. 1187. [Цит. по: Шарль Массон. *Указ. соч.* С. 137.]
- ¹²⁸ George Macartney. *An Account of Russia MDCCLVII*. London, 1768. Цит. по: Cross. *Russia under Western Eyes*. P. 202–204.
- ¹²⁹ L'Etoile Polaire. I. Paris, 1843. P. 198.
- ¹³⁰ Сохе. *Op.cit.* Vol. I. Book. III. P. 293.
- ¹³¹ Mechthild Keller, ed. *Russen und Russland aus deutscher Sicht: 19 Jahrhundert (1800–1871)*. Munich, 1992. S. 106.
- ¹³² De Grève. *Le Voyage en Russie*. P. 1190. См. также: Е.Ю. Артемова. *Культура России глазами посетивших ее французов*. М., 2000. С. 149, 151; Michel Merivaud, Jean-Claude Roberti. *Une infinie brutalité: l'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles*. Paris, 1991. P. 53; Dimitri von Mohrenschildt. *Russia in the Intellectual Life in Eighteen-Century France*. New York, 1936. P. 71.
- ¹³³ Marmier. *Op. cit.* P. 270.
- ¹³⁴ Сохе. *Op. cit.* Vol. III. P. 140–145. Richardson. *Anecdotes*. P. 62.
- ¹³⁵ См., например: Gautier. *Voyage en Russie*. P. 342; Адамовский. *Евроориентализм*. С. 199, 212.
- ¹³⁶ Цит. по: Cross, ed. *Russia under Western Eyes*. P. 306. [Цит. по: Жермена де Сталь. *Указ. соч.* С. 210.]
- ¹³⁷ Isabel Hargood. *Russian Rambles*. Boston and New York, 1895. P. 81.
- ¹³⁸ Robert Lyall. *The Character of the Russians and a Detailed History of Moscow*. London, 1823. P. 287.
- ¹³⁹ Bremner. *Excursions*. Vol. I. P. 191.
- ¹⁴⁰ Зигмунд Фрейд, у которого были русские пациенты, в письме Стефану Цвейгу от 19 октября 1920 года писал, что русские отмечены «амбивалентностью»: «Это ощущение двойственности является наследием психической жизни»

примитивных рас; но в русском случае, однако, оно сохранилось гораздо лучше, чем где бы то ни было, и чаще находит выход в сознательных формах. ...Даже те русские, которые лишены невротических проявлений, обнаруживают эту амбивалентность». (Цит. по: *Letters of Sigmund Freud*. New York, 1992. P. 191). В определенной мере это наблюдение подтверждается сообщениями путешественников о том, что личность русского человека неустойчива, поскольку он может придерживаться противоположных мнений относительно одного и того же предмета.

Приложение к журналу «Общая тетрадь»

Ричард Пайпс

БЫТЬ РУССКИМ

**Заметки иностранных путешественников
о русском национальном характере**

Компьютерная верстка *В. Козак*

Подписано в печать 30.10.2014. Формат издания 70х90/16.
Печ. л. 3,75. Тираж 500 экз. Заказ №

Московская школа гражданского просвещения
127006, Москва,
Староименовский переулок, д. 11/6, строение 1
Тел./факс: +7 (495) 699 01 73
E-mail: mmps@mmps.su
<http://www.mmps.su>